

Манифест Рабочей Группы Российской Коммунистической Партии (б)

К тт. коммунистам всех стран

Современное состояние производительных сил в странах развитого и особенно передового капитализма придает движению пролетариата этих стран характер борьбы за коммунистическую революцию, за власть мозолистых рук, за диктатуру пролетариата. Или человечество, обливаясь собственной кровью в непрерывных международных и внутренних гражданских войнах, впадет в варварство, или пролетариат исполнит свою историческую миссию: завоюет власть и раз навсегда покончит с эксплуатацией человека человеком, гражданскими классовыми войнами между народами, нациями, водрузив над землей знамя вечного мира, труда и братства.

Бешеная скачка воздушных вооружений Англии, Франции, Америки, Японии и т. д. грозит новой невиданной войной, в которой может погибнуть не один десяток миллионов людей и веками создававшиеся богатства города, фабрики, заводы и прочее, созданное вековым трудом рабочих и крестьян.

Задачей пролетариата каждой страны является сокрушение собственной национальной буржуазии. Чем скорее пролетариат покончит с буржуазией своей страны, тем скорее разрешит свою историческую задачу пролетариат всего мира.

Чтоб покончить с эксплуатацией, угнетением и войнами, пролетариат должен бороться не за грошовые прибавки, не за сокращение рабочего дня – это когда-то было нужно, но теперь он должен бороться за власть.

Буржуазия и прочие угнетатели всех видов и мастей очень довольны социал-прохвостами всех стран и народов именно потому, что последние отвлекают внимание пролетариата от основных задач борьбы против власти буржуазии, против гнета, а все время выставляют грошовые, пятачковые требования, не грозящие гибелью гнету и насилию.

Социалисты всех стран в данный момент – единственные спасители буржуазии от пролетарской революции, потому что многочисленные массы рабочего класса привыкли с недоверием относиться к тому, что исходит непосредственно от их угнетателей, а если то же самое преподносится рабочему классу как защита его интересов, да еще с набором социалистических фраз, то рабочий, отуманенный этими фразами, верит и растрчивает свои силы на бесполезную борьбу. Лучших адвокатов буржуазия не имеет и не будет иметь.

Коммунистическому авангарду пролетариата необходимо прежде всего разрушить этот буржуазный хлам в головах своих товарищей по классу, надо завоевать сознание их, чтоб повести в кровавый последний бой. Но чтоб этот буржуазный хлам сжечь, надо быть вместе с ним, с пролетариатом во всех его бедах и несчастьях. Когда эти идущие и до сих пор за приказчиками буржуазии пролетарии вступают в стачечную борьбу, то не бежать от них надо, презрительно бросая в их сторону клички осуждения, а оставаться с ними и бороться, непрестанно разъясняя, что эта борьба идет только на пользу буржуазии. Точно так же, чтоб сказать слово правды ему, иногда надо взбираться на навозную кучу (идти в парламент), не боясь запачкать своих честных революционных ботинок.

Конечно, все зависит от соотношения сил в каждой стране. И может быть такое положение, что ни в парламент идти, ни в стачках участвовать не надо, а прямо начинать бой. Нельзя все страны стричь под одну гребенку. Разумеется, завоевывать симпатии пролетариата необходимо всеми путями, но не урезыванием, не забвением, не отказом от своих основных лозунгов. Кто отказывается от своих основных лозунгов, хотя бы для временных соглашений, тот не ведет и не старается вести массы, а плетется в хвосте у них и не завоевывает их, а подчиняется тому, с чем он должен бороться.

Нельзя точно также оглядываться по сторонам и ждать начала пролетарской революции сразу во всех странах, нельзя свою нерешительность прикрывать незрелостью пролетарского движения во всех странах, нельзя так рассуждать: мы-то готовы к революции, и сил у нас хватит, да другие-то не готовы, а вдруг я побью свою буржуазию, а другие нет, что тогда будет?» Предположим, что германский пролетариат набьет морду своей буржуазии и социал-прохвостам – что тогда будет? А будет вот что: буржуазия и социал-прохвосты всех мастей убегут от пролетарского гнева во Францию, в Бельгию и будут слезно молить Пуанкаре и Ко расправиться с пролетариатом Германии, обещая французам за это свято блюсти Версальский договор и, может быть, с прибавкой Рура и Рейна в придачу, т. е. поступит так, как поступила и поступает русская буржуазия и социал-прохвосты. Пуанкаре, конечно, с великим удовольствием примется за святое дело спасения Германии от германского пролетариата, как то делали хищники всего мира в отношении Советской России. Но беда Пуанкаре и прочей кампании состоит в том, что они будут посылать армию, состоящую из рабочих и крестьян, которые, увидев, что идут вместе с германской буржуазией и ее приказчиками против немецкого пролетариата, против Советской Германии, повернуть штыки в сторону своей буржуазии в сторону Пуанкаре, и Пуанкаре, спасая свою шкуру и шкуру своей буржуазии, отзовет войска и оставит бедную германскую буржуазию и социал-прохвостов на произвол судьбы, и это не смотря на то, что германский пролетариата порвет Версальский договор, прогонит

Пуанкаре с Рейна и Рура и провозгласит мир без аннексий и контрибуций, с правом самоопределения народов. Пуанкаре ничего не стоит расправиться с Германией Куно и фашистов, но он поломает себе зубы о Германию Советскую, пролетарскую.

Значит, если есть силы, надо драться, а не оглядываться по сторонам. Есть еще опасность для пролетарской революции – это раздробление сил.

В интересах мировой пролетарской революции надо объединить усилия всего революционного пролетариата. Если победа пролетариата немислимы без решительного разрыва и самой отчаянной борьбы с врагами рабочего класса, с социал-предателями из 2-го чуть-чуть не интернационала, которые вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах, то также немислима эта победа пролетариата без объединения всех сил, стоящих за коммунистическую революцию, за диктатуру пролетариата. Вот почему мы, Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б), считая себя как по организационным, так и по идейным связям в семье партий, объединяемых Третьим Интернационалом, призываем всех честных революционных коммунистических пролетариев объединить свои усилия для последнего и решительного боя. Все партии, входящие в Третий Интернационал, партии, объединяемые 4-м Интернационалом, а также и отдельные организации, почему-то не входящие ни в одно из этих международных объединений, но преследующие те же цели, что и они, – мы призываем создать единый фронт. Единый фронт для боя и победы.

Начало сделано. Пролетариат России расправился по всем правилам пролетарского коммунистического искусства с буржуазией и ее приказчиками всех сортов и оттенков, так рьяно защищавшими буржуазию (эсеры-меньшевики и пр.). И, как видите, будучи более слабым, чем германский пролетариат, он сумел достаточно сильно набить морду всей мировой буржуазии, кинувшейся на него по приглашению русской буржуазии, помещиков и социалистических прохвостов.

Дело за пролетариатом запада. И он должен объединить усилия свои и двинуться в бой за власть.

Конечно, вредно закрывать глаза на те опасности для русской Октябрьской революции, а значит, и для мировой, которые идут из недр Советской России.

Советская Россия сейчас переживает один из тягчайших моментов. В ней много таких недостатков, которые могут стать роковыми для пролетариата России и всего мира.

Недостатки эти объясняются слабостью самого русского рабочего класса и слабостью мирового пролетарского движения.

Пролетариат России не может теперь еще противопоставить свою волю ликвидаторским тенденциям Октябрьских завоеваний, идущим со стороны

перерождающей в условиях новой экономической политики бюрократии, и потому завоеваниям русской пролетарской революции грозит большая опасность – не столько извне, сколько изнутри.

Пролетариат всего мира прямо и непосредственно заинтересован в ограждении Октябрьских завоеваний от всех опасностей. Иметь такую страну, как Россия, в качестве базы мировой коммунистической революции – это значит иметь наполовину победу обеспеченной, потому-то передовому отряду всемирной армии пролетариата – коммунистам всех стран и надо сказать свое веское, пролетарское слово о тех недостатках и болезнях, которыми страдает Советская Россия и российской отряд коммунистической армии пролетариата – РКП(б).

Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б) как наиболее близко соприкасающаяся с российской действительностью и берет на себя почин.

Мы не придерживаемся того взгляда, что если на свете существуют социал-прохвосты и просто прохвосты, то нам, пролетариям-коммунистам, нельзя разговаривать о своих недостатках потому, видите ли, что это может быть использовано этой почтенной кампанией против Советской России и коммунизма вообще. Все эти опасения – явные пустяки. Наши враги, будь то явные или тайные, все равно, – по самой своей природе пакостники, они жить не могут без того, чтоб нам, пролетариям, борющимся за свержение ига капитала коммунистам, не пакостить. Но что из этого следует. Мы должны молчать о наших болезнях и недостатках, а не говорить о них, не принимать меры у своевременному искоренению их?

А что будет, если мы, смертельно испугавшись социал-прохвостов всех мастей, будем помалкивать во имя их бытия? Можем ведь домолчаться до того, что от завоеваний Октябрьской революции останется одно воспоминание. Вот это-то и будет козырем, фактом в пользу социал-предателей, это-то и будет смертельным ударом по мировому пролетарскому коммунистическому движению.

Так что в интересах именно мировой пролетарской революции и русского рабочего класса мы, Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б), решительно и смело берем на себя почин и, не дрожа от страха перед предательским мнением, ставим во всю величину проклятые вопросы международного и русского пролетарского движения.

Мы уже говорили, что недостатки эти объясняются слабостью как мирового, так и русского рабочего движения, и, конечно, самой лучшей поддержкой пролетариату России со стороны пролетариата прочих стран [может быть] революция в собственных странах, хотя бы в одной или двух странах передового капитализма. Но раз на это сил сейчас нет, то на то, чтоб помочь русскому рабочему классу удержаться на позициях Октябрьской

революции, на позициях коммунизма до момента, когда пролетарии всех прочих стран восстанут и победят – на это и теперь уже сил у него хватит.

Рабочий класс России, ослабленный мировой империалистической войной, гражданской войной и голодом – слаб, но с опасностями, которые есть, он справится, справится именно потому, что сумел разглядеть эти опасности и напряжет все силы для преодоления их, и совместными усилиями с пролетариями всех стран он их и преодолет.

Рабочая группа Росс[ийской] Коммунистической партии (б) забила тревогу, и зов ее гулким эхом отдается во всех концах великой Советской России. Все, что есть пролетарского и честного в РКП, объединяется и начинает борьбу. Мы сумеем внушить тревогу за судьбы октябрьских завоеваний пролетариата в умы всех мыслящих пролетариев России.

Борьба трудна. Нас загнали в подполье – мы нелегальны. Наш «Манифест» не мог быть напечатан в России. Печатаем и продолжаем печатать нелегально на пишущих машинках. Товарищей наших только по одному подозрению в сочувствии нашей группе – исключают из партии, из союза, арестуют, ссылают.

На XII съезде РКП(б) тов. Зиновьев с одобрения съехавшихся партийно-советских чиновников провозгласил новую формулу расправы со всякой критикой со стороны рабочего класса. Он сказал: «Всякая критика Центрального К[омите]та РКП(б) и справа, и слева есть меньшевизм (см. его речь на XII [съезде] РКП). А что это значит? А то, что если любому рабочему-коммунисту линия ЦК покажется неправильной, и он, по своей пролетарской простоте, начнет критиковать, то его исключают из партии, из союза, а затем, объявив его меньшевиком, – посадят в ГПУ. ЦК РКП(б) не хочет терпеть никакой критики – считая себя так же, как и Римский папа, непогрешимым.

Наши тревоги, тревоги русских рабочих за судьбу октябрьских завоеваний объявляются контрреволюционными.

Мы, Рабочая группа РКП(б), пред лицом пролетариата всего мира заявляем, что Советская Россия – есть одно из величайших достижений мирового пролетарского движения. И мы поэтому именно бьем тревогу, что Советской власти как власти пролетариата, октябрьским завоеваниям рабочего класса России грозит опасность превращения в капиталистическую олигархию.

Мы заявляем, что всем попыткам свергнуть Советскую власть мы противопоставим всю нашу силу и энергию. И это мы сделаем несмотря на то, что нас именем Советской власти сажают в тюрьмы и ссылают.

Если господствующая в РКП(б) группа наши тревоги за судьбу октябрьских достижений признает незаконными, контрреволюционными, то вы, революционные

пролетарии всех стран и, в первую голову, входящие в III Коммунистический Интернационал, на основании знания этого Манифеста скажите свое веское слово. На вас, товарищи, обращены взоры пролетариев России, сердца и умы которых встревожены опасностями для Великого Октября.

Мы, товарищи, от вас не большого хотим. Мы хотим, чтоб вы обсудили на своих собраниях наш Манифест и настояли на том, чтоб делегаты вашей страны на V конгрессе III Коммунистического Интернационала поставили вопрос о внутрипартийной и советской политике РКП(б).

Обсуждайте, товарищи, наш манифест и выносите резолюции!

Знайте, товарищи, что этим вы поможете измученному, обессиленному рабочему классу России спасти свои октябрьские завоевания. А наш Октябрь есть часть мирового Октября.

За дело, товарищи!

Да здравствуют октябрьские завоевания российского пролетариата!

Да здравствует Мировой Октябрь!

Временное Центральное бюро Рабочей группы РКП(б)

МАНИФЕСТ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ РКП(Б)

Вместо предисловия

Всякий мыслящий рабочий, которому не чужды страдания и муки его класса и та титаническая невиданная борьба, которую ведет рабочий класс, не раз задумывался над вопросами о судьбах нашей революции во всех ее стадиях.

Каждый понимает, что судьба ее теснейшим образом связана с судьбой мирового движения пролетариата.

Еще в старой соц[иал]-дем[ократической] программе говорилось, что «развитие обмена установило такую тесную связь между всеми странами цивилизованного мира, что движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным».

И русский рабочий за это время научился себя рассматривать как солдата мировой армии пролетариата, а свои классовые организации – как отряды этой армии. Вот почему всякий раз, как только встает тревожный вопрос о судьбе завоеваний, сделанных в октябре 1917 года, взор его пытливо вперяется туда, за рубеж, где объективные условия революции имеются налицо, а самой революции нет и нет.

Но пролетариат не будет хныкать и впадать в хандру по тому случаю, что к назначенному часу революции не произошло, а он всегда в этом случае задает вопрос – что же делать, чтобы она произошла.

Когда же его взор обращается внутрь собственной страны, он видит, что русский рабочий класс, произведший социалистическую революцию и обратившийся после тяжчайших испытаний к нэпу, тревожно спрашивает себя при виде жиреющих непомерно героев нэпа, сравнивая с положением их свое собственное положение, – спрашивает: куда мы идем? Горькие мысли забредают в голову его – он, рабочий вынесший все тяготы величайших из гражданских и империалистических войн, он, которого во всех газетах России почитают за героя, он, который этой борьбой обескровлен, живет, влача жалкое существование, перебиваясь с хлеба на квас, а они, сеявшие горе и ужас, они, только что бросившие оружие, которым они кололи этого рабочего, они живут, катаясь как сыр в масле. Куда мы идем? Что же будет дальше? Неужели нэп уже обращается в «НЭП», т. е. Новую Эксплуатацию Пролетариата? Что сделать, чтобы отвлечь от нас эту опасность?

Когда он встает вплотную с этими вопросами, он невольно оглядывается назад, на пройденный путь, чтобы установить связь, чтоб понять, как он оказался в этом положении.

Как ни горьки опыты, как ни поучительны они, а не всякий из рабочих может разобратся в той пестрой исторической сети событий, которая прошла перед его глазами.

Мы по мере сил хотим помочь разобратся в этом и по возможности указать пути к победе пролетариата.

Мы совсем не хотим быть каким-то врачевателями недугов, пророками, слово которых свято и непогрешимо, наоборот, мы хотим, чтоб все сказанное нами подверглось самой суровой критике и исправлению.

I. Характер классовой борьбы пролетариата

«Вся история общества была до сих пор историей борьбы классов. Эта классовая борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплуатирующего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплуатации и угнетения и классовой борьбы».

Значит, с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, с тех пор, как появилась частная собственность на средства производства, как из этой первобытной общины выделилась группа лиц, захватившая в свои руки власть и богатство общины и поработившая ее, с тех пор ведется классовая борьба.

Но классовая борьба достигла только теперь той ступени, когда рабочий класс, чтобы освободиться от эксплуатации и угнетения, должен освободить и все человечество от порабощения человека человеком и классовой борьбы, а раньше. Предположим. Сто лет назад, были тоже угнетенные, но они и не могли ставить так этого вопроса. Их освобождение не значило уничтожения классового общества.

«Человечество ставит себе только разрешимые задачи».

Было время, когда рабство было желанием очень многих людей, и оно со всех точек зрения было прогрессивным явлением.

«Феодализм существовал в нуждах людей, еще не существуя фактически – первая эпоха; во вторую – он существовал фактически, постепенно переставая соответствовать нуждам, и это последнее обстоятельство положило конец его фактическому существованию. Еще ни одна революция не совершалась иным путем».

Целиком то же самое можно сказать про рабство, про феодализм и капитализм.

Если это верно, то верным будет и то, что «нужды» людские, удовлетворившиеся рабством, феодализмом, капитализмом, были нуждами определенных классов, стремившихся к этому строю, ведя классовую, революционную, гражданскую войну, и в каждый исторический момент по-своему.

«Производство есть цель общественного союза, а потому люди, руководящие производством, всегда стояли и всегда будут стоять во главе общественного союза».

Стало быть, цель всех господствующих в истории классов сводилась к тому, чтобы стать во главе союза, государства, а это можно было достигнуть тогда, когда роль этого класса в производстве по сравнению с господствующим классом была большей – тогда-то и наступала эпоха революции.

«Главную особенность современного капиталистического общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доходы высшим классам общества».

«В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществление процесса труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими, т. е. той социальной революции,

которая представляет собой конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии как сознательной выразительницы классового движения».

Стало быть, есть уже налицо те условия, когда капитализм, существуя фактически, перестал удовлетворять нуждам людей, и это должно положить конец его фактическому существованию. Кроме того, есть уже сила, которая совершит этот революционный переворот. Эта сила – рабочий класс. Значит, наступила эра социалистической революции.

II. Диалектика классово́й борьбы

Всякое данное классовое общество (как уже сказано выше) появилось в результате борьбы классов, выросших на определенной материальной основе. Только господствующий класс, непосредственно выросший из первобытной земельной общины. Не совершал революции для своего господства, но все последующие классы, чередовавшиеся в истории как классы господствующие, достигали этого господства путем классовой борьбы, гражданской войны; если это так – а это так, то каждый класс являлся проповедником этой классовой борьбы, гражданской войны, проповедником революции.

Но если каждый класс являлся проповедником гражданской войны, то с такой же неизбежностью каждый класс является проповедником и гражданского мира. Любви и всепрощения – и это делал один и тот же класс, но в различное время.

Всякий класс, стремившийся встать во главе «союза», проповедуя гражданскую войну, и (sic), в конце концов, достигал своей цели. Но, как только он достиг этой цели, как только взял власть, «стал во главе союза», тотчас же начинал проповедовать мир в человеках и благословение, оберегая свое господство, и проповедь любви и всепрощения становилась тем сильнее и неистовее, чем ближе подходил конец его господству.

Значит, тогда, когда этот класс выступал проповедником гражданской войны, он был революционным, защищал интересы человечества и нации. Тогда же, когда он проповедовал гражданский мир и любовь, он защищал только свои узкоклассовые интересы, идущие вразрез с интересами человечества.

Но вот его свергают; Господству его пришел конец; остается ли этот вчерашний господин и проповедник любви и всепрощения и сегодня, после того, как его свергли, таким же ярким сторонником гражданского мира и спокойствия? О, нет! Он сегодня уже мечет гром и молнии и проповедует беспощадную расправу с вчерашними поборниками гражданской войны, со вчерашними рабами и сегодняшними господами, сегодняшними поборниками гражданского мира.

В этом случае класс, только что свергнутый, тоже проповедует гражданскую войну, но проповедь эта уже реакционна, контрреволюционна, проникнута узко-эгоистичными

классовыми интересами, идущими вразрез с интересами человечества, общества, нации. Он защищает свое вчерашнее господство.

Когда он выступал в первый раз сторонником классовой борьбы, сторонником гражданской войны и вел ее, тогда он защищал и свои классовые интересы, и интересы человечества, которые совпадали.

После того, как он победил и стал господином, в недрах этого общества развились новые нужды, новые силы, и он из недавнего революционера превращается в консерватора, проповедника мира и любви, но эта проповедь мира и любви так же, как и проповедь гражданской войны, в одном случае революционна потому, что она закрепляет положение класса, представляющего в данный момент интересы человечества, но с известного момента она становится реакционной, задерживающей развитие «союза». Но все продолжающие развиваться внутренние силы с неизбежностью приводят к свержению его, и он проповедует гражданскую войну.

Класс, проповедник гражданской войны до победы – революционен, представляет интересы человечества.

Он же победил – проповедует гражданский мир – тоже революционен и человечен.

Закрепил свое господство, стал окончательно во главе «союза»Ф. Но за это время появились новые силы, которые оспаривают уже его главенство в производстве, появился новый класс, не прочь помериться силами и выступает как проповедник гражданской войны.

Господствующий класс продолжает проповедь мира, единения и любви и подавляет всякую попытку к свержению его. В этот момент проповедь мира и любви уже реакционна, контрреволюционна, узко-эгоистична. Наконец, он свергается и опять становится сторонником гражданской войны, но эта гражданская война так же контрреволюционна, как вчерашняя его проповедь единения, мира и любви, и он погибает.

Только рабочий класс, несущий уничтожение всякого классового общества, освобождающий навсегда человечество от эксплуатации, гнета и классовой борьбы, остается революционен и человечен одинаково и тогда, когда он проповедует гражданскую войну, и тогда, когда проповедует гражданский мир.

III. Савлы и Павлы в русской революции

Каждый сознательный рабочий, для кого уроки революции не остались бесполезными, видел перед своими глазами, как различные классы превращались «чудодейственным»

образом из Савла в Павла, из проповедников «мира» и единения в проповедников гражданской войны и наоборот.

Если вспомнить события за последние 15-20 лет, то перед нами предстанет довольно яркая картина этих превращений.

Поглядите-ка на буржуазию, помещиков, попов, эсеров и меньшевиков. До 1917 года кто из попов, помещиков проповедовал гражданскую войну? Никто. Больше того, за эту проповедь они сажали в тюрьму, пытали, вешали, стреляли и проповедовали мир в человецех и благословение. А после Октября? Кто более страстно проповедовал и проповедует гражданскую войну до сих пор? Эти же верные сыны христианской церкви: попы, помещики и офицеры.

А буржуазия в лице кадетов разве не стояла когда-то за гражданскую войну с самодержавием? Вспомните-ка Выборгское восстание, а разве не Милюков говорил с трибуны кратковременного правительства: «Мы держим красное знамя в своих руках, и отнимут его у нас, только перешагнувши через наши трупы»? Правда, что греха таить, говаривал он и другие вещи в Государственной думе: «Эта красная тряпка, намозолившая всем глаза». Но до 1905 года можно определенно сказать, что буржуазия стояла за гражданскую войну. А в 1917 году, во времена существования кратковременного правительства, кто более неистово кричал: «Мир, гражданский мир, единение между всеми классами общества – есть спасение нации»? Они – буржуазия, кадеты. А после Октября? Не они ли до хрипоты и теперь кричат: «Долой советы, долой большевиков! Война, гражданская война есть спасение нации»? Они – это те самые хорошие и добрые баре и слезливые «революционеры» так тигрически настроены.

А эсеры? Разве не эсеры убили Плеве, Сергея Александровича, Богдановича и прочих столпов самодержавия? Но разве эти ярые революционеры не взывали к единению и гражданскому миру в 1917 году, во время того же кратковременного правительства? Взывали, да еще как! А после октября? Остались ли они такими же миролюбивыми? Как бы не так! Они превращаются опять в ярых, но теперь уже rrr-реакционеров и стреляют в т. Ленина. Они проповедуют гражданскую войну.

А меньшевики – до 1908 года они стоят за вооруженное восстание, за 8-мичасовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, демократическую республику, а с 1908 года до 1917 год[а] за некое «сотрудничество классов» – за свободу коалиции и легальные формы борьбы с самодержавием – и все-таки не прочь его свергнуть, но не во время войны, конечно, ведь мы патриоты, то бишь «интернационалисты»; в 1917 году до Октября стоят за гражданский мир и так же, как монархисты, кадеты, эсеры, за гражданскую войну после Октября.

Наше ли, русское ли только это явление? Нет. Французская, английская, германская и т. д. буржуазия до свержения феодализма стояла за гражданскую войну и вела ее. После того, как феодализм был повержен во прах и буржуазия встала у власти, она стала сторонницей гражданского мира, особенно после того, как на сцене появился новый претендент на власть в лице рабочего класса, который тоже хочет бороться насмерть.

Поглядите теперь, где буржуазия стоит за гражданскую войну? Нигде! Везде и всюду, за исключением Советской России, она проповедует мир и любовь. А как она будет вести себя после того, как пролетариат возьмет власть в свои руки? Будет она проповедницей гражданского мира? Будет она также взывать к единению и миролюбию? Она превратится в яростного проповедника гражданской войны и будет вести ее насмерть, до издыхания.

А мы, пролетарии России, разве составляем какое-нибудь из этого исключение?

Отнюдь не бывало.

Взять хотя бы тот же 1917 год – разве наши Советы рабочих депутатов не возникли как органы гражданской войны? Да.

Но вот в том же 1917 году они овладели властью. Хотели ли они, чтобы буржуазия, помещики, попы и все прочие обиженные ими (Советами) восстали против них? Разве не хотели они, чтоб буржуазия и все их большие и малые соратники покорились без драки? Хотели.

Значит, пролетариат до завоевания власти стоял за гражданскую войну, а после завоевания против нее, за гражданский мир.

Правда, во всех этих превращениях много исторической инерции. Даже тогда, когда все – от монархистов до меньшевиков и эсеров включительно – вели гражданскую войну против Советской власти, они все еще продолжали выступать под лозунгом «гражданского мира», а пролетариат фактически хотел мира, а все еще провозглашал войну. Даже в 1921 году в одном из циркулярных писем ЦК РКП мелькает эта неосознанность положения – лозунг гражданской войны даже в 1921 году рассматривался как признак большой революционности.

Но как то, так и другое может рассматриваться как исторический курьез и несколько не колеблет нашей точки зрения.

Если мы сейчас в России, всемерно укрепляя завоевание пролетарской октябрьской революции, всемерно укрепляя власть пролетариата, будет везде и всюду проповедовать гражданский мир и утверждать эту власть пролетариата, то везде, где власть находится в руках буржуазии, там столь же решительно все пролетарские и честные элементы должны объединиться под лозунгом гражданской войны, кровавой и суровой.

Если теперь рабочий класс видит истерику всех эксплуататорских слоев населения в буржуазных странах, с которой они проповедуют гражданский мир и в человецех благословение, то надо сейчас же дать себе полный отчет в том, что если пролетариат этих буржуазных стран захватит власть в свои руки, то все сегодняшние миролюбцы от помещиков до второго и двух с половинного интернационала включительно завтра будут вести гражданскую войну против пролетариата, захватившего власть.

Мы со всей силой и энергией, на которую только способны, должны призвать пролетариат всех стран к гражданской войне, беспощадной кровавой войне – мы будем сеять ветер, ибо хотим бури.

Но еще с большей силой мы будем проповедовать гражданский мир и в человецех благоволение (sic) во всех странах, где пролетариат победит и станет у власти.

Помещики, буржуа, меньшевики, эсеры всех стран будут проповедовать гражданский мир во всех странах капиталистического гнета и гражданскую войну более жестокую и кровавую, чем то проповедует пролетариат во всех странах, где власть захватит пролетариат.

IV. Основные задачи сегодняшнего дня.

Развитие производительных сил во всех передовых капиталистических странах достигло той ступени, когда капитализм сам становится фактором разрушения этих производительных сил. Мировая война и последующие события, Версальский мир, проблема репараций, Гenuя, Гаага, Лозанна, Париж и, наконец, оккупация Рура Францией – все это, а также колоссальнейшая безработица и бесконечная волна стачек с наглядностью показывают, что бьет последний час капиталистической эксплуатации, и экспроприаторы должны быть экспропрированы.

Историческая миссия пролетариата состоит в том, чтобы спасти человечество от варварства, в которое ввергает его капитализм. И сделает он это совсем не борьбой за пятак, борьбой за восьмичасовой рабочий день, борьбой за частичные уступки, которые капитализм может сделать, нет, наоборот, крепкой организацией пролетариата для решительного боя за власть.

Всякая проповедь забастовок с целью улучшения материального положения пролетариата в передовых капиталистических странах в данный момент есть вредная проповедь, укрепляющая иллюзии, надежды на реальные улучшения жизненного уровня пролетариата в пределах капиталистического общества.

Передовые рабочие должны принимать участие в забастовках, должны, если обстоятельства слагаются так, то и *возглавлять их*. Должны выдвигать практические

требования, если масса пролетариата все еще надеется улучшить свое положение этим путем, если это создает большое влияние в пролетариате, но они должны решительно указывать пролетариату на то, что это не путь спасения, это не путь улучшения положения рабочего класса. Если можно организовать пролетариат для решительного боя путем решительной его поддержки во всех его столкновениях с капиталом, то необходимо не только поддерживать, но, возможно, и возглавлять это движение, выдвигая более решительные и высокие требования, практические и понятные пролетариату, не переставая, однако, указывать ему, что до тех пор, пока он не возьмет власть в свои руки, до тех пор не может радикально измениться его положение, чтоб каждая стачка, каждое столкновение было уроком пролетариату, доказывающим необходимость завоевания политической власти и экспроприации экспроприаторов.

Коммунисты всех стран должны вести себя здесь так же, как они ведут себя в парламентах – они туда идут не для положительной законодательной работы, а для агитации и пропаганды, для взрыва этого парламента силами организованного пролетариата.

Точно так же, когда объявляется необходимость начать стачку за пятак, за час – идти сюда надо, но не для того, чтобы поддерживать надежду в пролетариате, что он может реально улучшить свое экономическое положение путем этих стачек, а, наоборот, для разрушения этих надежд для того, чтобы на каждом, самом незначительном жизненном акте показать пролетариату несбыточность этих надежд, для того, чтоб использовать всякое столкновение для организации сил пролетариата, подготавливая одновременно сознание его для окончательного доя. Лозунг восьмичасовой рабочий день (sic) был когда-то революционным, но теперь он потерял все свое революционное значение во всех странах, стоящих под знаком социальной революции. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о едином фронте.

V. Единый социалистический фронт

Но прежде, чем говорить о нем по существу, необходимо вспомнить ту обстановку, при которой были выдвинуты, обсуждены и приняты тезисы тов. Зиновьева – о едином фронте у нас в России.

19-21 декабря 1921 года происходила конференция РКП(б), на этой конференции и поставлен был вопрос на обсуждение. До этого нигде – ни в печати, ни на партийных собраниях – никто ничего не говорил и не писал об едином фронте. На конференции же тов. Зиновьев зажарил из «максима» по конференции, та от неожиданности задрала руки вверх, единогласно приняв тезисы.

Все это говорим не для того, чтоб кого-то обидеть или обругать, а для того, чтоб отметить: во-первых, что тактика единого фронта обсуждалась по-солдафонски, а во-вторых, и проводится-то она в России особым манером.

Инициатором этой тактике в Коминтерне выступала РКП(б) и убеждала съехавшихся заграничных товарищей, что благодаря этой тактике единого фронта мы, русские революционеры, и победили, что эта тактика зиждется на опыте всей «предреволюционной» эпохи в России и, в частности, опыте борьбы большевиков с меньшевиками.

Товарищи, съехавшиеся из всех стран, знали только один факт, что пролетариат победил, и им хочется победы над своей буржуазией, а тут их уверяют, что победил он в результате применения единого фронта. Ну как же не признать ее? Они на слово поверили, что победа русского рабочего класса есть результат тактики единого фронта. Они не могли не поверить, потому что не знали истории русской революции. Один раз тов. Ленин очень резко выразился о верующих на слово, но, должно быть, это не относилось к тем, кто ему на слово верит.

Чему же, однако, учит нас опыт нашей русской революции?

Было время, когда большевики поддерживали прогрессивное движение, направленное против самодержавия: п. [sic] а) «социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность» (резолюция II [sic] съезда РСДРП «Об отношении к либералам», 1913 год, август).

Резолюция III съезда (состоявшегося в 1905 году в апреле месяце) повторяет эти два пункта, рекомендуя товарищам: 1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противополохарактер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренного либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым «союзом» освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий; 2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата и отдельных групп его.

Начиная с 1898 года, социал-демократия поддерживает «единый фронт» (выражаясь современным языком) с буржуазией. Но здесь мы видим три стадии этого единого фронта:

- 1) в 1901 году она поддерживает всякое «прогрессивное движение», направленное против существующего строя;
- 2) в 1903 году имеется налицо сознание необходимости борьбы «с ограниченностью движения буржуазии»;
- 3) в 1905 году, в апреле, уже принимаются практические шаги для этой борьбы, «настоятельно рекомендуя товарищам разоблачать антиреволюционный и противополохарактер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках», энергично борясь с ними за влияние на пролетариат.

Но какие бы виды ни принимала поддержка буржуазии, остается налицо тот факт, что было время до 1905 года, когда большевики выстраивались единым фронтом с буржуазией.

А как бы мы посмотрели «на того революционера», который на основании русского опыта предложил [бы] единый фронт с буржуазией в данный момент?

В сентябре месяце того же 1905 года конференция, созванная специально по вопросу о «Булыгинской думе», свое отношение к буржуазии определяет следующим образом: «Иллюзией народного представительства самодержавие стремится к политическому сближению с значительной частью утомленного рабочим движением и жаждущей порядка буржуазии и, обеспечив за собой ее сочувствие и поддержку, к подавлению, уже в союзе с ней, революционного движения пролетариата и крестьянства».

В резолюции же большевиков, предложенной объединительному съезду (1906, апрель), раскрывается секрет перехода большевиков от поддержки буржуазии к борьбе с ней: «В среде крупного капиталистического класса и помещиков происходит резкий переход от оппозиции к сделке с самодержавием в целях подавления революции». А так как «главной задачей рабочего класса в переживаемый момент демократической революции является доведение ее до конца», то необходимо установить «единый фронт» с такими партиями, которые этого хотят. На этом основании были отвергнуты всякие соглашения с партиями, стоящими правее кадетов, а заключались соглашения с партиями, стоящими левее их, т. е. с эсерами, энесами и трудовиками; т. е. устанавливается «единый социалистический фронт» а борьбе за последовательное проведение демократической революции.

Верна ли была тактика большевиков за означенный выше период? Мы не думаем, что в среде активных борцов за Октябрь найдутся люди, оспаривающие правильность этой тактики. Мы устанавливаем здесь тот факт, что большевики с 1906 года и до 1917 включительно проповедовали «единый социалистический фронт» в борьбе за последовательное проведение демократической революции, долженствующей закончиться

образованием временного революционного правительства, которое созывает Учредительное Собрание.

Никто никогда не истолковывал, да и не мог истолковать эту революции как революцию пролетарскую, как социалистическую, а все прекрасно понимали, что эта революция – буржуазно-демократическая революция, и тем не менее большевики предлагали и проводили на деле тактику «единого социалистического фронта», объединяясь на практической работы с эсерами, меньшевиками, энесами и трудовиками.

Но вот тогда, когда вопрос встал не о том, чтобы бороться за демократическую революцию, а за социалистическую, какова была тактика большевиков в этот момент? Может быть, и борьба за власть Советов тоже требовала «единого социалистического фронта»?

Революционные марксисты всегда смотрели на партию социалистов-революционеров как на «буржуазно-демократическую фракцию с туманно-социалистической идеологией», что она подтвердила в полной мере всей своей деятельностью на протяжении всей революции до наших дней; и, как буржуазно-демократическая фракция, она не могла ставить себе как практическую задачу борьбу за социалистическую революцию, борьбу за социализм, а, прикрываясь этой «туманной социалистической терминологией», всячески противодействовала этой борьбе. А раз это так – а это так, – то не единый социалистический фронт мог быть тактикой победы восставшего пролетариата, а борьба беспощадная, кровавая борьба с этими буржуазными фракциями с туманной социалистической терминологией, могла дать победу. Так было оно и на самом деле. Не в единении с эсерами, меньшевиками, трудовиками, энесами русский пролетариат одержал победу в Октябре, а в борьбе с ним[и]¹.

Правда, большевики сумели отколоть значительную часть партии эсеров и меньшевиков к моменту Октября, освободив из плена туманной социалистической терминологии рабочие массы, совместно с ними произвести переворот, но это, конечно, ни в какой мере не может рассматриваться как единый фронт с буржуазными фракциями.

Чему же учит русский опыт?

1. В известные исторические моменты необходимо выступать «единым фронтом» с буржуазией в тех странах, где историческая обстановка в общем и целом и теперь похожа на обстановку, бывшую в России до 1905 года, необходимо будет в той или иной мере рекомендовать проводить эту тактику.

¹ Выступление большевиков с эсерами и меньшевиками единым фронтом против Корнилова является борьбой за буржуазно-демократическую революцию против наступающей монархии.

2. В тех странах, где историческая обстановка в общем и целом совпадает с исторической обстановкой России с 1906 года по 1917 г., необходимо рвать с тактикой «единого фронта» с буржуазией и проводить тактику «единого социалистического фронта».
3. В тех же странах, где вопрос встал о непосредственной борьбе за власть пролетариата, необходимо рвать с тактикой «единого социалистического фронта» и готовить пролетариат к тому, что «буржуазные фракции с туманной социалистической терминологией», каковыми являются в данный момент все партии, входящие во второй и двухсполовинный интернационалы, в самый решительный момент выступят с оружием в руках в защиту капиталистического строя.

Необходимо стремиться к объединению всех революционных элементов, ставящих себе целью низвержение эксплуататорского капиталистического мира, каковыми является Германская рабочая коммунистическая партия, голландская группа, возглавляемая Герман[ом] Гортером, и другие партии, группирующиеся вокруг 4-го Интернационала, товарищески борясь со всяким вспышкопускательством и преждевременными выступлениями, ослабляющими пролетариат. Стремиться отколоть от партий, входящих в 2 и 2 ½ Интернационалы, все честные пролетарские революционные элементы, плененные туманной социалистической терминологией.

«Победа мировой пролетарской революции неосуществима без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических партий. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямым классовым врагом пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе в капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и чужих странах» (см. программу РКП).

Так что тактика единого социалистического фронта в понимании тезисов Исполкома Коминтерна, построенная якобы на опыте русской революции, на самом деле есть оппортунистическая тактика, тактика соглашений с прямыми врагами рабочего класса, подавляющими вооруженной рукой революционное движение пролетариата как в своих, так и чужих странах и стоит в полном противоречии с опытом русской революции.

В тех странах, которые живут под знаком социальной революции, нужно проводить «единый фронт» против буржуазии и их лакеев из 2 и 2 ½ Интернационалов.

Но эта тактика (тактика единого социалистического фронта), как сказано уже выше, приобретает все свое революционное значение в тех странах, где пролетариат борется с

самодержавием, поддерживаемым буржуазией, борется за буржуазно-демократическую революцию.

Там же, где пролетариат еще борется с самодержавием, против которого в действительности и выступает буржуазия, необходимо проводить тактику «единого фронта» с буржуазией.

Требования Коминтерна к коммунистическим партиям всех стран проводить тактику единого социалистического фронта во что бы то ни стало есть догматическое требование, затрудняющее решение конкретных задач сообразно условиям в каждой отдельной стране и безусловно вредно отзываясь на всем революционном движении пролетариата.

VI. Пара слов о тезисах Исполкома Коминтерна.

Как понимается тактика «единого социалистического фронта» творцами ее – ярко вырисовывается из тезисов, опубликованных в свое время (год тому назад) в «Правде».

Несколько слов о заголовке. Всем известно, какой в России «популярностью» пользовались, начиная с 1917 года, соглашатели всех стран и народов и особенно германские Шейдеман, Носке и Ко.

Каждый большевик, особенно рядовые, неискушенные в политиканстве, на каждом перекрестке кричали по адресу этих соглашателей: «Предатели, изменники рабочего класса, мы вас на телеграфном столбе повесим. Вы виноваты в мировой бойне, стоившей океана крови трудящимся всех стран. Вы убили Розу Люксембург, Либкнехта, вы залили кровью восставших против гнета и капиталистической эксплуатации рабочих улицы Берлина, вы творцы Версальского мира, вы совершили бесчисленные преступления против мирового пролетарского движения, предавая на каждом шагу его». Согласитесь, что так настроенному рабочему-коммунисту преподнести «единый социалистический фронт», т. е. единый фронт с Носке, Шейдеманом, Вандервельде, Брантингом и компанией не совсем удобно. Надо его замаскировать – и маскируют. Озаглавлены тезисы не просто «Единый социалистический фронт», а «Об едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во 2 и 2 ½ – Амстердамский – Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Почему так длинно? А видите ли. Тот же тов. Зиновьев очень недавно в своих писаниях приглашал нас на похороны 2-го Интернационала и, получив, очевидно, сообщения от 2-го Интернационала, что сведения т. Зиновьева о смерти его несколько преувеличены, т. Зиновьев не растерялся и приглашает нас на свадьбу Коминтерна со 2-м Интернационалом, потому-то и понадобилось окрестить сего пороса в караса. А речь-то ведь идет о соглашениях не с рабочими, а с партиями 2 и 2 ½ Интернационалов. А всякому рабочему, даже и не

побывавшему в эмиграции, известно, что партия представляется Центральными Комитетами, а сидят в них Вандервельде, Брантинги, Шейдеманы, Носке и Ко. С ними будут вступать в соглашение. Кто был на Берлинской конференции 3-х Интернационалов? Кому Коминтерн предлагал руку и сердце? Вельсам, Вандервельде и Ко.

А попытались ли договориться с Рабочей коммунистической партией Германии, где, по словам того же т. Зиновьева, находятся очень ценные пролетарские элементы? Нет. А ведь та же Рабочая коммунистическая партия стоит за организованный захват власти пролетариатом.

Правда, т. Зиновьев в своих тезисах говорит, что никакого объединения Коминтерна со 2-м Интернационалом не проводится, и он сохраняет организационную самостоятельность: «Абсолютная самостоятельность и полная независимость каждой коммунистической партии, вступающей в то или иное соглашение с партиями 2 и 2 ½ Интернационалов, во изложении своих взглядов. Налагая на себя дисциплину в действиях, коммунисты при этом обязательно должны сохранить за собой право и возможность не только до и после действия, но, если нужно, и во время действия высказывать свое мнение о политике всех без исключения организаций рабочего класса. Поддерживая лозунг максимального единства всех рабочих организаций в каждом практическом действии против капиталистического фронта, коммунисты, вместе с тем, ни в коем случае не могут отказаться от изложения своих взглядов» (см. тезисы Исполкома Коминтерна на конференции РКП [19]21 года).

В Российской социал-демократич[еской] рабочей партии существовали до 1906 года две фракции, и они имели не меньшую самостоятельность, чем предоставляется только что приведенными местами из тезисов Исполкома.

Дисциплина действия и самостоятельность в изложении своих взглядов формально признается уставом РКП(б) для внутренней жизни партии. Это вот что значит: делай то, что постановило большинство, но критиковать можешь. Делай, что велят, но если тебе уж очень досадно и ты наверняка знаешь, что это дело вредит мировой революции, так тебе разрешается во время дела, до дела и после дела отвести душу – поговорить. Это равносильно отказу от самостоятельных выступлений (совсем как Вандервельде подписал Версальский договор и оговорился).

В тех же тезисах Исполком выдвигает лозунг рабочего правительства, подменяя лозунг пролетариата социалистическим министерством. Ибо что такое рабочее правительство? Это правительство составлено ЦК партий, вошедших в соглашение. А так как, например, в Германии Эберт (социалист) президент, да если еще составить такой же кабинет к нему, то и получим идеал – программу, по этим тезисам исполненную. Там же,

где этот лозунг не пройдет, то коммунисты должны поддерживать своими голосами социалистических премьеров и президентов: в Швеции – Брантинга, в Германии – Эберта.

Наша самостоятельность критики нам рисуется в следующем виде: тов. Зиновьев как председатель Коминтерна приходит в ЦК германской соц[иал]-дем[ократической] партии, увидев там Эберта, Носке, Шейдемана, бросается на них чуть ли не с кулаками и кричит: «Предатели, изменники рабочего класса! (Те в ответ приветливо улыбаются и низко кланяются.) Вы убили Розу Люксембург и Карла Либкнехта, вождей германского пролетариата, мы вас на телеграфном столбе повесим!» (Те еще приветливее улыбаются и ниже кланяются.) А за сим т. Зиновьев предлагает единый фронт – предлагает образовать социалистическое с коммунистической надбавкой правительство, заменяя, таким образом, виселицу – министерским портфелем, гнев – милостью.

Носке, Шейдеман, Эберт и Ко пойдут на собрание рабочих и расскажут, что Коминтерн амнистию издал – виселицу заменил министерским портфелем, но с одним условием, чтобы хоть один плохенький портфелишко дали коммунистам.

Дать или не дать? Голосуют. Решили дать. Они расскажут всему рабочему классу, что коммунисты признали, что борьба за социализм возможна только вместе с ними, а не против них. Посмотрите на них: попрыгали, поскакали – не раз нас хоронили, вешали, а к нам пришли. Ну, мы их простим, как простили, очевидно, и они нас. Взаимная амнистия.

Коммунистический Интернационал выдал 2-му свидетельство политической благонадежности, а получил от него свидетельство политической бедности.

Чем же все-таки вызван такой переворот?

Почему тов. Зиновьев Шейдеману, Носке и Ко вместо виселицы министерский портфель предлагает?

Почему он так недавно пел отходную, заупокойную 2-му Интернационалу, вбивая в его могилу осиноый кол, [а] теперь поет здравицу? Неужели «воскресение» его увидевши и поклонися ему?

Тезисы тов. Зиновьева так отвечают на этот вопрос: «Мировой хозяйственный кризис обостряется. Безработица растет. Капитал переходит в наступление, стремясь понизить жизненный уровень пролетариата». Да и война неизбежна. На этой основе рабочий класс левеет. Реформистские иллюзии изживаются. Широкие круги рабочих только теперь начинают ценить мужество коммунистического авангарда... А потому... Потому надо выстраиваться в единый фронт с Шейдеманом.

Это поистине: начал за здравие, а кончил за упокой.

Мы были бы несправедливы, если бы не привели и еще положений, выдвинутых в тезисах т. Зиновьева в защиту единого фронта. Тов. Зиновьев делает замечательное открытие: рабочий класс, оказывается, к единству стремится.

Ну, сами посудите, как же тут не объединиться с Шейдеманом?

Всякий сознательный рабочий, которому не чужды интересы его класса и мировой революции, может спросить: да разве теперь только, в момент обоснования необходимости «единого фронта», рабочий класс стремится к единству? Все, кто жили в гуще рабочего класса в момент выступления его как класса на арену политической борьбы в России, разве не знают тех недоумений, возникающих у рабочего: зачем спорят меньшевики, трудовики, большевики, эсеры? Все они добра желают народу – и чего же они спорят? Всякий рабочий пережил и переживает эту полосу. Но что из этого следовало? Надо было организовать этот рабочий класс в самостоятельную классовую партию и вести за собой, противопоставляя себя всем другим. Преодолевая наши мелкобуржуазные предрассудки. Это было правильным. Остается правильным по настоящее время. *Нам надо готовить рабочий класс во всех капиталистических странах, где наступила эра социалистической революции, к открытой вооруженной схватке именно с международным меньшевизмом и эсерством*, в этом случае надо учесть опыт русской революции. Надо твердо усвоить рабочему классу всего мира, что во главе контрреволюции стоят и будут стоять социалисты из 2 и 2 ½ Интернационалов. Проповедь единого фронта с социал-предателями всех мастей убеждает в том, что и соц[иал]-предатели тоже борются за социализм против буржуазии, а не наоборот. Произвести революцию в умах пролетариата может открытая смелая проповедь гражданской войны за захват политической власти рабочим классом.

Время, когда рабочий класс мог улучшать свое материальное и правовое положение путем забастовок и парламентских выступлений, безвозвратно миновало. Надо открыто об этом сказать. Борьба за ближайшие интересы – есть борьба за власть. В своей пропаганде надо выявить, что, хотя мы и призывали в различных случаях к забастовкам, но они реально улучшить положение ваше (рабочих) не могут, но вы, рабочие, еще не изжили старые реформистские иллюзии и ведете борьбу, которая истощает только и главным образом вас. Мы – партия революции, партия, желающая, чтобы рабочий класс взял власть в свои руки. Мы пойдем за вами и в забастовке, и там, где можно набить, хотя бы частично, морду буржуазии, мы это будем делать, но знайте, что это не избавит вас от гнета, рабства и нужды беспросветной, а путь к этому миру счастья – это завоевание власти вами, мозолистые руки.

Но и это еще не все. Тов. Зиновьев решил солидно обосновать тактику единого фронта: оказывается, мы понятие «эпоха социальной революции» подменили моментом, т. е. стали понимать это так, что не сегодня, так завтра произойдет социальная революция, а на поверку оказалось, что «эпоха социальной революции есть длительный революционный прогресс». И советует спуститься на землю и завоевать рабочие массы. А массы же мы завоевали, объединяясь с меньшевиками и эсерами самым различным образом с 1903 по 1917 год, и, как видим, победили, а потому, чтоб победить Эберта, Шейдемана и Ко, надо с ними... (не воевать, нет) объединиться.

Мы не будем спорить о том, что эпоха социальной революции есть длительный или не длительный процесс, а если длительный, то насколько длительный, потому что это будет похоже на спор двух монахов о том, сколько чертей усядется на булавочную головку, или на спор – с какого волоса начинается плешь, но хотим определить само понятие «эпоха социальной революции». Что это такое? Это прежде всего состояние материальных производительных сил, которые встали в противоречие с формой владения. Если ли налицо необходимые условия, материальные условия, при которых социальная революция становится неизбежной? Есть. Что еще не хватает? Не хватает субъективных, личных предпосылок – не хватает того, чтоб рабочий класс передовых капиталистических стран осознал необходимость этой революции, не когда-то в отдаленном будущем, а теперь – сегодня, завтра. А что для этого нужно делать тем передовым рабочим, авангарду, которые осознали необходимость этого? Бить в набат, сзывать на бой, используя в своей агитации за открытую гражданскую войну решительно все – и локауты, и стачки, и близость войны, и понижение жизненного уровня, – подготавливая, организуя рабочий класс для схватки в ближайший из моментов.

Говорят, что российский пролетариат победил, потому что он объединился с меньшевиками и эсерами? Это – сущий вздор. Российский пролетариат победил буржуазию и помещиков прежде всего в борьбе, кровавой борьбе с меньшевиками и эсерами.

Тов. Троцкий в одной из своих речей о необходимости тактики единого фронта говорил, что мы победили – но поглядите, как мы дрались. Мы с меньшевиками и эсерами шли все время единым фронтом – потому. Что и мы, и меньшевики с эсерами сидели в одних и тех же советах.

Если тактика единого фронта состоит в том, что[бы] сидеть в одном и том же учреждении, то начальник каторги и каторжане – тоже единый фронт образуют: тот и другой сидит в тюрьме.

Наши коммунистические партии участвуют в их парламентах – значит ли это, что они выступают единым фронтом со всеми сидящими? Лучше было бы, если бы гг. Троцкий и Зиновьев порассказали тов. коммунистам всего мира, как хорошо вели себя большевики, когда они не шли в «предпарламент», созванный эсером Керенским в августе 1917 года, и не шли во временное правительство, возглавляемое социалистами – это бы их большему научило, а не сообщать сомнительные вещи об едином фронте большевиков с меньшевиками и эсерами. Мы уже говорили, что было время, когда большевики выстраивались единым фронтом с буржуазией. Но когда это было? До 1905 года. Выступали с проповедью единого фронта со всеми социалистами – но когда? До 1917 года. А в 1917 году, когда встал вопрос о борьбе за власть рабочего класса, большевики объединялись со всеми революционными элементами, начиная с левых эсеров и кончая анархистами всех сортов и мастей для борьбы, вооруженной борьбы с меньшевиками и эсерами, идущими единым фронтом с «демократией», т. е. буржуазией и помещиками. В 1917 году пролетариат России переживал начало «эпохи социальной революции», которую переживает пролетариат передовых капиталистических стран. И там необходимо применить победоносную тактику русского пролетариата 1917 года, учтя уроки последующих лет – отчаянное сопротивление, которое оказала буржуазия совместно с эсерами и меньшевиками рабочему классу России, взявшему власть в свои руки. Эта тактика объединит рабочий класс передовых капиталистических стран, потому что «изживание реформаторских иллюзий налицо», и принесет ему победу не единый фронт со 2 и 2 ½ Интернационалами, а война с ними. Вот лозунг, при котором будет происходить социальная революция во всем мире.

[VII]. Единый фронт в России равен пролетарской демократии

Совершенно особый подход к вопросам тактики должен быть во всех странах, где уже социалистический переворот совершился, где уже пролетариат является правящим классом. Но здесь опять-таки приходится отметить, что нельзя наметить одной и той же тактики для всех ступеней революционного процесса в каждой данной стране, как нельзя наметить и одной тактической линии для всех стран, произведших социальный переворот, для одной и той же стадии революционного процесса.

Если мы вспомним нашу собственную историю (чтобы не ходить далеко), историю нашей собственной борьбы, то мы увидим, как различны способы, которые применялись нами в борьбе с нашими врагами.

Вот 1906 и последующие года, «три кита»: 8-ми часовой рабочий день, конфискация земель и демократическая республика.

Эти «три кита» включили в себе свободу слова и печати, собраний, стачек и союзов, и т. д., и т. д.

Вот февраль 1917 г.? «Долой самодержавие, да здравствует Учредительное Собрание!» Это кричат большевики.

Но вот апрель-май 1917 г. – начинается крутой перелом: есть и свобода собраний, печати и слова, но не конфискована земля и у власти не рабочие; выплывает лозунг «Власть Советам»

Всякая попытка буржуазии в это время заткнуть нам рот вызывала отчаянный отпор: «Да здравствует свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов, совести!» Захватывай землю! Контроль над производством! Мира! Хлеба! И свободы! Да здравствует гражданская война!

Но вот Октябрь победоносный. Власть у рабочего класса. Старая государственная машина угнетения разрушается до основания, создается новая, машина освобождения в лице советов Р[абочих,] С[олдатских] и т. д. депутатов.

Мог ли пролетариат в это время также провозглашать лозунг свободы слова, собраний, печати, коалиций. Всем господам от монархистов до меньшевиков и эсеров позволить проповедовать гражданскую войну? Больше того, мог ли пролетариат как державный класс дать отдельным своим сынам, пролетариям, свободу слова и печати для проповеди этой же гражданской войны? Нет и нет.

Всякая проповедь гражданской войны против пролетарской власти, только что организовавшейся, было бы контрреволюционным делом, защитой эксплуататоров, поработителей. И чем «социалистичнее» были эти проповедники, тем больше время могли принести они. А потому самая суровая, «беспощадная расправа даже и с проповедниками из пролетарской семьи».

Но вот пролетариат подавил сопротивление эксплуататоров, организовался как единственная власть стран[ы], сконструировался как национальная власть, стал властью фактически признанной, даже всеми капиталистическими правительствами. Перед ними стала новая задача – организовать хозяйство страны, создать как можно больше материальных благ, и эта задача так же исключительна и велика, как и завоевание власти и подавление сопротивления поработителей. Больше того, завоевание власти и подавление сопротивления эксплуататоров не было самоцелью – лишь средством для достижения социализма, для достижения большего материального благополучия и свободы, чем это было при капитализме, при господстве и угнетении одного класса другим.

Для решения этой задачи так форма организации и способы работ, которые применялись для подавления угнетателей, не годятся, здесь нужны новые подходы.

При наших скудных средствах, при всех страшных разорениях, которым подвергалась страна в течение империалистической и гражданской войн, задача создания ценностей, чтоб действительно показать рабочему классу и примыкающим к нему группам населения привлекательность этого мира, мира, создаваемого пролетариатом, мира социалистического, показать, что он хорош не только потому, что там нет буржуев, жандармов и прочих прелестей, но что там сытнее, вольнее, и что пролетариат чувствует себя хозяином, уверенным в том, что все ценности, все богатства, каждый удар молотка идет на улучшение быта прежде всего и раньше всего обездоленных, угнетенных, униженных при капитализме и что это не царство, где умеют хорошо голодать, а царство, в котором этих богатств создается больше, чем когда-либо. Разрешить эту задачу предстоит в настоящий момент российскому пролетариату, задачу грандиознее всех предшествующих.

Да, грандиознее, ибо разрешить только две первые задачи, завоевать власть и подавить сопротивление угнетателей, это при наличии жгучей ненависти у пролетариата и крестьянства к помещикам и буржуям все-таки не так велики, при всем величии своем, как велика третья – цель. Каждый рабочий особенно теперь может спросить, для чего это было? Стоило ли огород городить? Стоило ли кровь проливать? Стоило ли переносить муки неизбежные, страдания бесконечные? Кто разрешит эту задачу? Кто будет кузнецом нашего счастья? Какой организации это будет под силу?

Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Для решения этой задачи нужна организация, кующая волю *всего* пролетариата. Нужны Советы Рабочих Депутатов как производственные организации на всех предприятиях, отвоеванных у буржуазии (национализированных предприятиях), которые опять должны будут подчинять своему влиянию огромные слои попутчиков.

Но что такое теперь наши Советы? Разве хоть чуточку они похожи на Советы Рабочих Депутатов, «основные ячейки государственной власти на фабриках и заводах»? Разве они похожи на советы, которые ковали волю пролетариата к победе? Нет у них сути советской – производственной основы.

Длительная гражданская война, сосредоточившая внимание всего пролетариата на задачах сокрушения, сопротивления угнетателям, отодвинула, заслонила все остальные

задачи и совершенно незаметно для самого пролетариата преобразовала его организацию – Советы. Советы Рабочих депутатов на заводах умерли. Да здравствуют Советы Рабочих Депутатов!

А разве не так же дело обстоит с пролетарской демократией вообще? Неужели так же, как и в период ожесточенной гражданской войны, в период восстания рабовладельцев, мы должны отнестись к свободе слова и печати для пролетариата? Разве пролетариат, взявший власть, умевший отстоять ее от тысячи сильнейших врагов, перестраиваясь теперь для преодоления колоссальных трудностей на почве производства, заправляя этим производством и всей страной, – разве не может позволить себе мыслить вслух?

Пусть буржуи молчат, но право на свободное слово пролетария, отстоявшего своей кровью власть свою, кто посмеет оспаривать?!

Что для нас свобода слова и печати – бог, фетиш?

Мы не творим себе кумира

Ни на земле, ни на небесах

И не падем пред ним во прах!

Для нас чистой демократии, абсолютных свобод, даже пролетарской демократии в качестве фетиша, идола – не существует.

Как никогда никакая демократия не была и не будет фетишем и для контрреволюции, буржуазии, помещиков, попов, эсеров, меньшевиков всех стран и народов. Для тех и других это является средством для достижения своих классовых целей.

До 1917 года свобода слова и печати для *всех* граждан была нашим программным требованием. В 1917 году мы добились этих свобод и воспользовались ими для агитации, пропаганды и организации пролетариата и попутчиков его, интеллигентов и крестьянства. После того, как мы, пролетарии, сорганизовали силу, способную победить буржуазию, мы двинулись в бой и захватили власть в свои руки. Чтобы не дать воспользоваться словом и печатью буржуазии для организации гражданской войны против нас, мы признали, что свобода слова и печати не только для всех граждан, но и для некоторой части пролетариата и попутчиков не может быть признана до тех пор, пока в России не сломлено сопротивление буржуазии.

Но вот мы, поддержанные большинством трудящегося населения, расправились с сопротивляющейся буржуазией, можем ли мы теперь позволить себе, пролетариям, разговаривать?

Свобода слова и печати до 1917 г. – это одно, свобода слова и печати в 1917 г. – другое, в 1918-1920 гг. – это третье, и свобода слова и печати в 1921-1922 гг. – это четвертое отношение нашей партии в этом вопросе.

Но не будут ли эти свободы использованы врагами советской власти для свержения ее?

Может быть, для Германии, Франции, Англии и т. д., если бы они находились на этой стадии революционного процесса, – это было бы полезно и необходимо, потому что там многочисленный рабочий класс и нет такой громадины крестьянства. А у нас и тот немногочисленный пролетариат, который сохранился в результате войн и разрушения хозяйства, измучился, исголодался, изголодался, он изранен, устал, нервен, долго ли такого измученного, истрадавшего толкнуть на гибельный путь, на путь свержения советской власти? Кроме пролетариата, у нас имеется солидная часть крестьянства, которое тоже не в радостях и веселье живет, а тоже мучается и страдает – не будет ли использовано это слово для организации крестьянства в контрреволюционную силу? Нет, вот когда мы подкормим рабочего, кое-что дадим крестьянству, тогда посмотрим, а теперь и думать нечего. Таковы, примерно, рассуждения благомыслящих коммунистов.

Ну а как же вы, позвольте вас спросить, хотите решать грандиозные задачи по организации социалистического хозяйства, которые стоят перед вами без пролетариата? Или с пролетариатом, но таким, который молчаливо кивал бы головой, когда захочет его добрая няня? Вам это нужно?

Рассуждать так: ты, рабочий и крестьянин, сиди смирно, не бунтуй, не восставай и не умствуй лукаво, потому что у нас есть хорошие ребята, такие же рабочие и крестьяне, которых мы посадили к власти, так они этой властью так распоряжаются, что ты даже не заметишь, как в социалистическом раю окажешься. Рассуждать так – это верить в героев, критически мыслящих личностей, ярко окрашенных, многосочных, многогранных индивидуальностей и не верить в классы; потому что эта масса серого цвета с серединными идеалами, которая, самое большее, представляет из себя материал, из которого наши герои – коммунистические чиновники – будут лепить коммунистический рай.

Мы не верим в героев и завеем всех пролетариев не верить в них.

Освобождение рабочий есть дело самих рабочих.

Да, мы, пролетарии, измучились, да, мы изголодались, да, исголодались. Да, мы устали, но те задачи, которые стоят перед нами, ни один из классов, ни одна из групп населения за нас не решит, и решить надо нам же. Если вы докажете, что задачи, стоящие перед нами, рабочими, сумеет решить интеллигенция, ну хотя бы и коммунистическая, то мы согласны вверить ей свою пролетарскую судьбу, но никто этого доказать не сумеет, а потому довод, что пролетариат устал и потому ему не надо всего знать и решать, никуда не годится.

Если у нас иная обстановка, чем в 1918-1920 гг., иное отношение должно быть и к этому вопросу.

Когда, товарищи благомыслящие коммунисты, вы хотите бить морду буржуазии, это хорошо, но беда-то наша в том, что вы замахиваетесь на буржуазию, а у нас, пролетариев, ребра ломаются и кровь из зубов.

У нас коммунистического рабочего класса нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и большевики, и анархисты, и эсеры, и меньшевики (все это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих). Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетами буржуа, профессорами, адвокатами и докторами, здесь одно лекарство – мордобитие; другое дело с рабочим классом. Надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение – вот линия, вот закон.

Закон-то закон, но не для всех. На последней партийной конференции при обсуждении вопроса о борьбе с буржуазной идеологией было насчитано до 180 буржуазных издевательств (в Москве и Петрограде), с которыми конференция, по заверению докладчика т. Зиновьева, собиралась бороться на 9/10 не путем репрессий, а путем, очевидно, идейного воздействия. А на нас как воздействуют? Тов. Зиновьев знает, как на некоторых из нас воздействовали. Хоть бы десятую часть свободы для буржуазии отвели и нам, грешным.

Товарищи, рабочие, ведь не мешало бы, а?... Стало быть, с 1906 до 1917 гг. тактика одна. В 1917 г. до октября – другая. С октября по конец 1920 г. – третья и с начала 1921 г. – четвертая. Единый фронт в России равен пролетарской демократии настоящего момента.

VIII. «Национальный вопрос»

Проведение тактики единого фронта в СССР особенно осложнялось той национальной и культурной пестротой народов, которые объединяет этот союз.

Губительное действие политики господствующей группы в РКП(б) сказались особенно остро и здесь, в национальном вопросе. Бесконечные ссылки («плановые переброски») за всякое несогласие, а также навязывание, назначение зачастую прямо самодурного назначения [sic] (абсолютно непопулярных, не внушающих никакого доверия в данной местности товарищей) в республики, находившиеся долгие десятки и сотни лет под безудержным национальным гнетом Романовых, представлявших в своем лице Великороссию как господствующую нацию, – такие назначения только пробуждают с новой силой шовинистические тенденции в широких трудящихся массах и так или иначе

просачиваются в местную национальную организацию коммунистической партии. Социалистический переворот в этих советских республиках, несомненно, произведен своими, местными силами, силами местного пролетариата при активной поддержке крестьянства. И если та или иная коммунистическая партия другой нации оказывала необходимую, важную и нужную поддержку, то она оставалась только поддержкой местной организации пролетариата и крестьянства в борьбе с местной же буржуазией и ее прихлебателями. Но партийная практика господствующей в РКП(б) группы после проведения этой революции, основанная главным образом, на недоверии к местным силам, игнорируя местный опыт, непрестанно навязывает национальным коммунистическим партиям няnek, зачастую другой национальности, что порождало шовинистические тенденции, больше [того] – создало в широких трудящихся массах впечатление оккупации этой страны.

Проведение принципов пролетарской демократии в строении местных организаций, как партийных, так и государственных, уничтожит корни недоверия рабочего класса и крестьянства одной нации к пролетариату и крестьянству другой.

Проведение же этого «единого фронта» в республиках, произведших социалистический переворот, проведение пролетарской демократии – это значит организация национальных коммунистических партий, которые входят на равных правах с РКП(б) в Коммунистический Интернационал, образуя особую секцию.

Но так как у всех социалистических республик имеются общие задачи и так как во всех них руководящую роль играет коммунистическая партия, то для обсуждения и решения этих общих вопросов для трудящихся всех национальностей, входящих в состав Союза Советских Социалистических Республик, периодически созываются партийные общесоюзные съезды, которые для постоянной работы избирают Исполнительный Комитет Коммунистических партий Союза Советских Социалистических Республик.

Такое строение организаций, во-первых, оздоровит местные коммунистические партии всех наций Союза ССР и, несомненно, в корне уничтожит возможность какого-либо недоверия между пролетариатом различных наций, а кроме того, имеет крупнейшее агитационное значение для всего коммунистического движения всех стран.

IX. Новая экономическая политика

Новая экономическая политика обусловлена состоянием производительных сил нашей страны.

И в самом деле, допустим, что наша страна покрыта густым летом фабричных труб, что земля обрабатывается не сохой, а трактором, что снимается хлеб не серпом и косой, а жнейкой и косилкой, молотится не цепом, а молотилкой, веется не лопатой, когда господь-бог ветру пошел, а веялкой, да еще все эти машины приводит в движение тот же трактор, то скажите, пожалуйста, понадобилась бы нам новая экономическая политика? Не понадобилась бы.

А представьте себе теперь, что в Германии, во Франции и в Англии, произошла в прошлом году социальная революция, а у нас в России дубина, с сохой не отошли на покой и их не сменила царица-машина, а они (и дубина, и соха) так же властно царствовали бы. Как властвуют и теперь (а особенно, когда осталась соха, а впрячь в нее некого и самому приходится впрягаться в корень, детишек в пристежки, а жену за сохой пускать), нужна была бы новая экономическая политика? Нужна.

А для чего? Все для того же, чтобы укрепить индивидуальное крестьянское сошное хозяйство и через это пойти от сохи к трактору, для того, чтобы изменить материальную основу мелкобуржуазного хозяйства деревни для расширения экономической базы социалистической революции.

Та работа, которую проделал капитализм гад мелким производством и собственностью, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в передовых капиталистических странах (Англии, Америке, Германии и т. д.), у нас в России надо проделать власти пролетариата.

Но как может проделываться эта работа? Путем издания декрета, окрикнувшего: эй, вы, мелкие буржуи, сгиньте! Сколько бы таких декретов, кричащих сурово на мелкобуржуазную стихию, не писали и не издавали, а она, мелкая буржуазия, будет жить да поживать и добра наживать. Да и что стали бы, чистейшие пролетарии, делать без них в стране, подобной России? С голоду померли бы! Но, может быть, всех их можно было бы загнать в коммуно-коллектив? И этого нельзя. Значит, не путем законодательства будет борьба с мелкобуржуазной стихией, а путем покорения этой мелкобуржуазной стихии под непосредственную зависимость от однородного же, но машинного рационального хозяйства. Путем борьбы, свободной борьбы хозяйств, основанных на применении машин и всех новейших технических усовершенствований, с остальными, невыгодными способами производства, господствующими в мелком кустарном хозяйстве. На сохе в коммунизм не въедешь.

Не представьте себе, что в Германии или Англии произошла социалистическая революция – имела бы место там в соответствующий момент революционного процесса новая экономическая политика?

Это целиком зависит от вопроса, какое влияние, какой размер имеет мелкобуржуазное производство. Если влияние его на жизнь страны незначительно, то эти страны могут обойтись без «новой экономической политики», а, нажав посильнее на правовую педаль пролетарской диктатуры, могли бы внести новые способы работы в этих хозяйствах.

Значит, там, где мелкобуржуазное производства города, деревни оказывает значительное влияние на экономическую жизнь страны, и без этого производства промышленность города и деревни обойтись не может, новая экономическая политика будет иметь место. Величина нэп будет прямо пропорциональна этой зависимости крупной промышленности от мелкой, и продолжительность целиком будет обусловлена быстротой хода завоеваний экономических позиций буржуазии национальной социалистической промышленностью.

Наша новая экономическая политика «всерьез и надолго» не потому, что так кто-то хочет, а потому, что никто иначе не может. До тех пор, пока наша социалистическая промышленности не перестанет в значительной степени зависеть от судеб мелкобуржуазного производства и собственности, до тех пор никакого разговора об отказе от нэп не может быть.

Х. Нэп и деревня

Вопрос об изменении экономической политики, об отказе от нэп встанет в порядок дня тогда, когда мелкобуржуазное господство в сельском хозяйстве будет уничтожено.

Сила и мощь социалистической революции теперь целиком определяются борьбой, свободной борьбой машины с сохой, трактора с сохой. Если трактор отвоюет землю в России у сохи, значит, и социализм победил, но если соха выгонит трактор, то победит капитализм. Со смертью сохи умрет и новая экономическая политика.

Но пока солнце в[з]ойдет, роса может очи выесть, а чтоб наши очи, очи социалистической революции, остались целы, нужно взять правильную линию в отношении рабочего класса и крестьянства.

Наша страна крестьянская. Мы должны помнить, что крестьянин есть решающая сила, завоевать его надо. Мы не можем отдать его во власть буржуазной идеологии, потому что это и есть смерть Советской России и на долгое время паралич мировой революции. Вопросом жизни и смерти русской и международной революции является вопрос о формах организации крестьянства.

Россия вступила на путь социалистической революции при наличии 80 % мелких единоличных хозяев. Мы увлекли крестьянина на экспроприацию экспроприаторов, на

захват поместий. Но понимал он эту экспроприацию не как рабочий завода и фабрики. Фабрики и заводы поделить нельзя. Здесь бытие, определяющее сознание. Было иное, чем в деревне. Там каждый крестьянин – единоличный хозяин, желающий расширить свое хозяйство. Поместья же не обладали внутренней организацией, свойственной предприятиям городской промышленности, потому-то надо было провести «социализацию земли», хотя бы это было регрессом, упадком производительных сил, шагом назад. Экспроприровав так или иначе экспроприаторов, мы не могли думать. Что мы может изменить тотчас же и способ производства, так как производительные силы остались неизменными, и крестьянин остался единоличником. Никогда не надо забывать, что форма хозяйства целиком определяется степенью развития производительных сил, и соха наша предрасполагает к социалистическому способу производства никак не может.

Нечего и думать, что мы сможем своей коммунистической пропагандой прогнать частного собственника, и он бросится бегом в коммуну или коллектив.

Трехлетняя борьба между пролетариатом и буржуазией была борьбой за обладание крестьянством. В ней побеждал тот, кто сильнее в крестьянстве. Мы победили, потому что сильнее, потому что влияние наше больше. Это влияние надо укрепить, усилить, но надо сразу отдать себе отчет в одном: что оно будет расти не пропорционально количеству и качеству речей наших златоустов, а пропорционально росту производительных сил, пропорционально победе веялки над лопатой, автокосилки над косой, жнейки над серпом, трактора над сохой. Пропорционально победе обобществленного хозяйства над мелкобуржуазным производством и собственностью.

Кто доказал, что крестьянин противник применения косилок, молотилок, жнец, сноповязалок и трактора? Никто.

Значит, никто не может доказать, что крестьянин не придет к обобществленным формам хозяйства, но придет он к ним, не запрягшись сам в соху, а въедет на тракторе.

Г.В. Плеханов говорит, что одно из диких племен Африки очень предосудительно относилось к европейцам и все, что делали и как делали европейцы, считали мерзостью. Великим грехом почиталось перенимать нравы, обычаи и способы работы европейцев. Но те же дикари, употребляя топоры из камней и увидев у европейцев стальные, вскоре, с заклинаниями, правда, и, кажется, тайно друг от друга, но постепенно все стали употреблять топоры стальные.

Конечно, мерзостью для крестьянина является все, что делают коммунисты и от чего отдает запахом коммуны, но надо также заставить их заменить соху автоплугом и трактором, как дикари каменный топор заменили стальным. Это сделать куда легче, чем европейцам с дикарями.

Стало быть, чтобы закрепить влияние пролетариата в крестьянстве, надо не так часто напоминать ему, что пролетариат дал ему землю, потому что он может сказать: «Спасибо, милоч, а теперь ты зачем пришел? Продналог собирать? Изволь и продналог, но не говори, пожалуйста, что вчера ты был очень хорош, скажи-ка, что хорошего собираешься сделать сегодня. Неужели все за продналогом с речами, что ты хорош был вчера? Вались-ка ты, дружок, откуда пришел».

Все контрреволюционные партии, от меньшевиков до эсеров и монархистов включительно, основывают свои псевдонаучные теории на неизбежном пришествии буржуазного рая на том, что в России капитализм еще не изжил сам себя, что у него здесь были великие возможности развития и процветания, постепенного завоевания всего сельского хозяйства, вводя там фабричные методы работы, а потому, если большевики совершили переворот, захватили власть в свои руки для введения социализма при несозревших материальных условиях, то они должны будут или сами превратиться в самую настоящую буржуазную демократию, или же развившиеся внутри силы взорвут политическую оболочку, скинут сопротивляющихся экономическим законам коммунистов, поставив на их место Мартова, Чернова, Милюкова – коалицию, режим которых даст простор развитию производительных сил страны.

Конечно, всякий знает, что Россия наиболее отсталая экономически страна, чем Англия, Америка, Германия, Франция и т. д. Но каждый должен понять, что если в этой стране у пролетариата хватило сил захватить власть, экспроприировать экспроприаторов, подавить сопротивление, бешеное сопротивление порабощеных, поддержанное буржуазией всего мира, то у этого пролетариата хватит сил на то, чтобы анархически идущий процесс механизации сельского хозяйства при капитализме заменить сознательно планомерным введением этой механизации через посредство промышленности и власти, находящейся в руках пролетариата, вовлекая в это и сознательное стремление крестьянства к облегчению труда.

Кто говорит, что это легко и скоро можно сделать? Никто. Особенно после того колоссальнейшего разрушения, которое произвели эсеры, меньшевики вкупе с буржуазией и помещиками, начав гражданскую войну. Это сделать трудно, но это будет сделано даже в том случае, если меньшевики и эсеры в обнимку с кадетами и монархистами будут скакать и прыгать, взывая о втором пришествии царства буржуазии.

Нам необходимо поставить этот вопрос в практическую плоскость.

Недавно появилось письмо т. Ленина с благодарностью тов. американцам, американским эмигрантам за их техническую помощь, которую оказывают они в виде организации образцовых совхозов и коммун, применяя в обработке полей и уборке хлеба

американские тракторы. Так, недавно появился отчет в «Правде» о работе такой коммуны в Перми.

Нас, конечно, радует, как и всякого коммуниста, что пролетарии Америки спешат на помощь, и именно в самом необходимом месте. Но наше внимание невольно задерживалось на том месте отчета, где говорится о том, что тракторы стояли долгое время, потому что, первое: бензин оказался нечистым; второе: что его далеко нужно было возить, были задержки; в-третьих: что местные шоферы долго не могли приспособиться к управлению трактором; и четвертое: что дороги для передвижения тракторов не годятся – особенно, мосты.

Если дело механизации сельского хозяйства определяет судьбу нашей революции и уж никак не безразлично для пролетариата всего мира, то его надо ставить на более твердое основание. Отнюдь не отвергая и не умаляя значение этой великой помощи, которую оказывают нам товарищи из-за океана, мы все же должны подумать над результатами, какие даст нам эта помощь.

Нам необходимо, прежде всего, обратить внимание на то, что привозимые тракторы на наших заводах не производятся, да, может быть, не нужно, но если эта помощь будет велика, то наше земледелие будет срачиваться с промышленностью Америки.

Теперь же надо поставить вопрос о том, какой трактор, какой двигатель применимы к русским условиям. 1) Нам необходимо, чтобы он работал на нефти, а не только капризничал от плохого качества бензина; 2) нам необходимо, чтобы он был простой, и не только обученные шоферы не могли долго научиться управлять трактором, но чтобы таких шоферов, которые могли бы управлять трактором, можно было бы как блины печь; 3) необходимо выработать тип силы: 100, 80, 60, 40, 30, 25, в зависимости от того, что мы будем пахать: целину или уже паханную землю; 4) необходимо чтобы это был универсальный двигатель для пахоты, молотьбы, косьбы, возки хлеба, обмолотки; 5) необходимо, чтобы он производился на русских заводах, а не бежать за тридевять земель в тридевятое царство за океан-море за каждой деталью; иначе получится не смычка нашей промышленности с деревней, а смычка заморских купцов с ней; 6) необходимо рассчитывать на местное топливо.

Наша страна после ужасов, пережитых в войнах, а затем голода, открывает такую широкую и скорую победу машине в сельском хозяйстве, как ни в одной стране мира. Даже сохи, которая является господствующим орудием труда в сельском хозяйстве, за это время не у каждого хозяина имеются, и если имеются, то впрямь-то в нее некого. Только одним прокатом наши машины могли бы так много сделать, что трудно учесть.

Наши техники считают вредом для нашего хозяйства слепую копируку Америки, они же считают, что производство нужных нашему сельскому хозяйству двигателей в массовом масштабе, несмотря ни на что, возможно при наших технических средствах. А если принять во внимание плач и рыдания нашей металлопромышленности от того, что нет у них заказов, что заводы работают не полной нагрузкой, а потому убыточно, и кричать по всякому поводу, к случаю и не к случаю: дайте заказы, эта задача облегчается.

Массовое производство простой конструкции универсальной сельскохозяйственной машины, которую могут обслуживать наскоро состряпанные механики и которые не будут капризничать от не совсем хорошего бензина, а поработает на нефти, – массовое производство таких двигателей должно быть рассчитано на распространение свое в тех районах России, куда хорошо и легко, как по воде, так и по железной дороге, доставить нефть. Необъятное пространство Сибири, таким образом, составляет специальную задачу нашей промышленности. Нефтяной двигатель можно рассчитывать на распространение [на] юге России, Украине, Средней России, на все Поволжье и Прикамье, в Сибири же он не пойдет потому, что доставка нефти будет туда дорога. Но в Сибири есть свои виды топлива, особенно древесное, а потому паровые двигатели там могут завоевать себе довольно солидное место. Но если бы нам удалось хорошо разрешить вопрос о перегонке дерева, о добыче древесного спирта в Сибири, то там мог [бы] заработать на нем такого же типа двигатель. Что будет выгоднее: паровой или двигатель, работающий на древесном спирте, пусть решают техники и практики.

В «Правде» от 10 ноября появилась заметка под заголовком *«Грандиозное начинание»*, в которой говорится об организации на Урале *«Международного акционерного общества рабочей помощи воссоздания уральского сельского хозяйства и промышленности»*. В это общество вошли очень крупные государственные тресты и «Межрабпомгол». Оно располагает и теперь уже капиталом в 2000000 золотых рублей. Это общество вступило уже в деловые сношения с тракторной фирмой «Кейса» на предмет закупки большой партии тракторов, и, как видно, это считается очень выгодным, потому что фирма «Кейса» дает кредит.

Идея воссоздания сельского хозяйства и промышленности Урала, да и всей России, хороша, и тут двух мнений не может быть, но сам подход к решению, может быть, и не верен.

Привлечение иностранного капитала нам необходимо, но в какой области? Нам хочется у всех спросить: если «Межрабпомгол» может нам помочь снести с фирмой «Кейс», то почему бы он не мог помочь снести с какой-нибудь другой фирмой для того, чтобы поставить производство нужных нам сельскохозяйственных машин здесь, у нас в

России? Не лучше ли было бы, чтобы эти два миллиона рублей, которые имеются у общества, употребить на производство этих двигателей у нас дома? Испробованы ли все возможности? Обязательно ли нужно наше золото везти фирме «Кейс»? Обязательно ли сращивать «Кейса» с нашей деревней?

В одной из технических книжек мы читали, как германские фирмы, желая подчинить своему экономическому влиянию некоторые сельскохозяйственные районы завоеванных местностей, приезжали со своими тракторами и даром вспахивали землю, потом за бесценок уступали их землеробам, а потом, само собой понятно, фирмы стали брать нужную им цену, и трактора пошли. Это было бескровное завоевание.

Готовность фирмы «Кейс» пойти нам навстречу и дать нам кредит, нам кажется, того же характера, и к нему надо отнестись достаточно серьезно.

Сомнительно, конечно, что фирма «Кейс» доставит нам и вполне пригодные к русским условиям трактора, но успех даже таких тракторов (мало пригодных к нашим условиям) при настоящих отчаянных условиях сельского хозяйства, несомненно, обеспечен, потому что у нас теперь такое положение – что ни дай, все сойдет. Но если возможно производство нужных нам двигателей, подходящих к русским условиям во всех отношениях, то почему нам обязательно «Кейс» нужен? А ведь, насколько нам известно, до сих пор не доказано, что мы не можем своими средствами поставить производство нужных машин.

Если идеи и расчеты петроградских инженеров и впрямь верны, то дай это «Общество» золота в два миллиона рублей на производство их, и дело поднятия уральского хозяйства стояло бы на более прочном фундаменте, чем от помощи фирмы «Кейс».

Во всяком случае, этот вопрос обсудить надо серьезно, он имеет не только экономическое, но и политическое значение, и не только для Советской России, но и для всей мировой революции. И с бацу его нельзя решать. Надо копнуть и нас самих, авось да и мы за это золото кой-что сделаем. Надо подумать и обсудить: если знающие люди и авторитетные органы решат, что и пробовать нечего, а лучше сразу за океан махнуть, ну что ж, так тому и быть. Боимся, что мы окажемся крепки задним умом – снесем золото дядюшке «Кейс», а потом и покаемся, до покрепче, во всеуслышание, восхваляя себя за то, что не боимся говорить о своих ошибках.

Вот если механизация сельского хозяйства пойдет внутренним путем, путем производства необходимых машин нашей промышленностью, а не путем закупки у добрых «Кейс» за морем-океаном, здесь-то и будет создаваться неразрывная связь города и деревни на почве роста производительных сил и там, и тут, здесь-то и будет расти и

крепнуть идейное сближение города с деревней, тогда-то и нужно будет организационное закрепление его путем организации «особого типа профессиональных союзов» (программа РКП). Это-то и суть неперемные условия мирного изживания капиталистических отношений, это-то и явится расширением базы социалистической революции при помощи новой экономической политики.²

Наша социалистическая революция несет гибель мелкобуржуазному производству и собственности, но не путем издания декретов о социализации, муниципализации, национализации, а путем сознательного, планомерного руководства борьбой совершенных способов производства с устарелыми, невыгодными путем эволюционного внедрения социализма. В этом состоит сущность прыжка к социалистической свободе от капиталистической необходимости.

XI. Новая экономическая политика и просто политика

И что бы ни говорили «благочестивые» люди, но политику эту под силу провести активно выступающему рабочему классу в первую голову и крестьянству – в вторую, а не коммунистическим чиновникам, как бы хороши и умны они ни были.

Новая экономическая политика, обусловленная состоянием производительных сил нашей страны, таит в себе весьма грозные опасности для социалистической революции. Помимо того, что социалистическая революция здесь держит практический экзамен хозяйствования, помимо того, что мы здесь, на практике должны доказать выгоду социалистических форм хозяйства и победить этим капитализм, помимо того, что мы призваны доказать преимущество социализма путем экономической борьбы одних форм хозяйства с другими, но нам нужно устоять на позиции социалистической революции, не превращаясь в хозяйствующих капиталистов, держащих власть в своих руках, и сохранить влияние в рабочем классе.

Грозная опасность состоит в том, что в связи с новой экономической политикой стал быстро перерождаться быт очень большой части командующих верхушек. Если в одно время было такое положение, что члены правления какого-либо треста (предположим, сахарного) получали ставку в 200 р. золотом, имея при этом бесплатную машину, дешевую хорошую квартиру, тысячи возможностей приобрести предметы потребления дешевле рабочего, а в это время рабочий (тоже коммунист), работающий на сахарных плантациях, получая сверх госснабжения 4-5 рублей в месяц большим свалом, да из этого

² Само собой понятно, что в переходный период существующие формы организации крестьянства являются исторически неизбежными.

же платит за квартиру и свет, то разница получается значительная. Если вот эти обстоятельства будут не скоропроходящим явлением, а будут влиять в течение десятка, а то и двух лет, то бытие «того и другого определит их сознание, и они встретятся стоящими друг против друга, как борющиеся стороны. А если принять во внимание, что слой, занимающий эти командные посты, очень невелик и остается одним и тем [же] или пополняется элементами отнюдь не пролетарскими, и, хотя бывают часто пересаживания с одного стула на другой, но под влиянием этого бытия начинают смотреть на себя как на единственных держателей секрета, как на единственно способных управлять хозяйством и страной, и всякий разговор о пролетарской демократии, о Советах Рабочих Депутатов на заводах встречаются причитаниями»: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», – рассматривают как влияние мелкобуржуазной стихии, как контрреволюцию, то угрозы завоеваниям пролетариата несомненны и именно с той стороны, откуда меньше всего ожидали. Опасность превращения пролетарской власти во власть кучки спевшихся и плотно усевшихся людей, спаянных единым желанием сохранить и политическую и экономическую власть в своих руках, конечно, из самых высоких соображений – во имя интересов пролетариата и мировой революции и иных возвышенных материй, – опасность перерождения в олигархию станет налицо.

А в стране, где мелкобуржуазное производство имеет решающее влияние на жизнь ее, и когда экономическая политика обострила, усилила индивидуалистические настроения хозяйчика до максимума, – в этой стране необходим планомерно организованный нажим на самую основу мелкобуржуазной стихии. А кто это сделает? Неужели все те же чиновники – эти спасители страждущего человечества? Да будь они хоть семи пядей во лбу, пусть хоть все будут, как Ленин, им этого не сделать. Это сделать под силу рабочему классу, руководимому партией, живущей его жизнью, страдающей его страданиями, болеющей его болезнями, не боящейся активного участия в жизни страны пролетариата.

Нельзя, вредно, контрреволюционно говорить пролетариату сказки, убаюкивающие его сознание. А что нам говорят? Сиди смирно, выходи на демонстрации по приглашению, пой «Интернационал», когда нужно, а остальное без тебя сделается хорошими ребятами, почти такими же рабочими, как и ты, но умнее тебя, и уж насчет коммунизма они собаку съели, так что ты успокойся – и скоро въедешь в царство социалистическое. Это чистейшая эсеровщина. Это их многосочные, многогранные, ярко окрашенные индивидуальности из всех классов общества (а сейчас на то похоже) творят из этой массы серого цвета (класса) совершенное, высокое царство, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, но жизнь бесконечная. Это целиком из эсеровских «святых отцов».

Надо сменить практику, надо практику, опирающуюся на самодеятельность рабочего класса, а не на боязнь его со стороны партии.

Если в 1917 году надо было широкую демократию, а в 1918, 1919, 1920 гг. надо было свернуть все руководящие аппараты, заменяя их всюду единоличием, назначенством, приказами, то в 1922 году, когда перед нами стоят задачи, отличные от всех других периодов, надо, очевидно, и другие формы организации и методы работы. Надо организовать советы рабочих депутатов на фабриках и заводах (национальных), как основные ячейки государственной власти, управляющие ими, надо провести в жизнь пункт программы РКП, где говорится: «Советское государство сближает государственный аппарат с массами так же и тем, что основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)» (см. Программу РКП, отдел политический, п. 5). Вот эту основную ячейку государственной власти на фабриках и заводах и надо восстановить в лице Советов Рабочих Депутатов, которые заменят наших высокоумных товарищей, управляющих хозяйством и страной.

Ведь есть умные и догадливые читатели, которые сейчас же предъявят обвинение по 102 ст. Уголовного Уложения и зачислят нас по штату крамолы, потрясающую священные основы пролетарской власти. С такими читателями ничего поделаться нельзя.

Но есть и другие, которые скажут: «Укажите-ка нам одну страну, где бы рабочие пользовались такими правами и свободами, как в России? Задав такой вопрос, они почтут себя достойными награждения орденом Красного Знамени за сокрушение крамолы, причем легкое и бескровное. Вот с этими кое-что можно сделать. А укажите-ка вы, милые друзья, на страну, где бы власть признавалась властью рабочего класса? Такой страны нет – значит, и вопрос нелеп. Дело не в том, чтобы быть либеральнее, демократичнее империалистической державы (в этом небольшая заслуга), а в том, чтобы решить в этой единственной во всем мире стране, совершившей октябрьский переворот, задачи, стоящие перед ней, и решить так, чтобы нэп не превратилась в «НЭП» (новую эксплуатацию пролетариата), чтобы этот пролетариат через десяток лет не оказался у разбитого корыта, не вынужден был вновь и вновь начинать борьбу, да, может быть, кровавую, за свержение олигархии и чтоб в этой стране создать достаточные гарантии сохранения основных завоеваний пролетариата. А эти гарантии могут быть созданы путем вовлечения самого пролетариата к решению этих задач, путем проведения рабочей демократии, путем проведения в жизнь одного из основных пунктов программы РКП, который мы приведем полностью: «Буржуазная демократия ограничилась формальным распространением политических прав и свобод», как то: права собраний, союзов, печати одинаково на всех граждан, но в действительности как административная практика, так и, главным образом,

экономическое рабство трудящихся всегда ставит последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения ставит их фактическое предоставление прежде всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприрует у буржуазии помещения, типографии, склады, бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача РКП(б) состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими права и свободами, расширяя материальную возможность этого (см. Программу РКП, п. 3, отдел политический).

Нелепо и контрреволюционно было бы выступать с требованием проведения этих пунктов программы в жизнь в 1918, 1918 и 1920 гг., еще большей нелепостью и контрреволюцией является выступление против проведения этих пунктов программы в жизнь в 1922 г.

За что бы мы ни взялись: хотим ли укрепить международное положение Советской России, восстановит нашу промышленность, хотим ли расширить материальную базу социалистической революции путем механизации сельского хозяйства, хотим ли бороться с грозными опасностями новой экономической политики – все упирается а рабочий класс, он и только он может это сделать. Чем слабее силы ег7о, тем крепче должен быть он организован.

Не могут же решить эти грандиозные задачи хорошие ребята, заседающие в чиновных аппаратах?!

К нашему великому сожалению, большинство руководителей в РКП думает не совсем так, даже совсем не так. На все разговоры о рабочей демократии т. Ленин в своей речи на IX Всероссийском съезде советов так отвечал, возражая кому-то из профсоюзников: «Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, что профсоюзы должны участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать. А вы мне ответьте на вопрос практически и скажите, если вы на ответственном посту, как авторитетный работник коммунистической партии, профсоюза, где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено: тысяча или десять тысяч? Дайте список тех, кого вы ставили на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за двадцать дел браться, а потом по недосугу ни одного не выполнить, что у вас в советских нравах бывает, а так, чтоб довести до конца, чтобы в течение нескольких лет ссылаться на успех, чтобы не бояться учиться у такого купца, который 100% возьмёт, да и ещё себе заберет. А вы напишите прекрасные резолюции о сырье и скажите, что мы –

представители коммунистической партии профсоюза пролетариата. Извините, пожалуйста, что называется пролетариатом? Это класс, занятый работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат, где наша промышленность, почему она стоит, потому что нет сырья? А вы сумели его достать? Нет, написали резолюцию, чтобы его собирали, и сядете в лужу. И, стало быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим!» И которого, по морали этой басни, договорим мы за тов. Ленина, нужно предлинной хворостиной гнать на базар продавать.

Допустим, что точка зрения бывшей рабочей оппозиции по вопросу о роли и задачах профсоюзов неправильна. Она не точка зрения рабочего класса, стоящего у власти, а точка зрения профессионального ведомства. Для этих товарищей важно оттягать у советских чиновников управление хозяйством, а не вовлечь рабочий класс и управление им путем проведения пролетарской демократии и организации Советов Рабочих Депутатов на предприятиях, как основных ячеек государственной власти, путем пролетаризации, орабочение этих бюрократических гнезд. В этом они неправы.

Но, что бы там ни было, как бы они ни ошибались, но говорить о пролетарской демократии, об участии пролетариата в управлении хозяйством так, как это делает т. Ленин, – нельзя.

Самое важное открытие, сделанное т. Лениным, – это то, что у нас нет пролетариата. Мы можем только поздравить с этим т. Ленина. Вы – стало быть, вождь несуществующего пролетариата? Вы вождь коммунистической партии, но не пролетариата?

В противоположность т. Ленину его коллега по ЦК и по Политбюро т. Каменев держится совсем иного мнения. Он везде видит пролетариат. Он говорит: «1. Итоги октябрьского завоевания заключаются в том, что организованный рабочий класс, как целое, располагает величайшими богатствами всей национальной промышленности, транспортом, лесами, шахтами и рудниками, не говоря уже о политической власти. 2. Социализированная промышленность есть основное достояние пролетариата», и т. д., и т. д. Примеров и выдержек при желании можно увеличить. Тов. Каменев во всех чиновниках, назначенных из Москвы бюрократическим порядком, видит пролетариат. Да он и себя больше, чем любого рабочего, считает пролетарием. Он говорит не «он, пролетариат», а «мы, пролетариат». Такого пролетариата, как тов. Каменев, очень много участвует в управлении хозяйством, потому-то им, пролетариям, и кажутся странными разговоры о пролетарской демократии, об участии пролетариата в управлении хозяйством: «Позвольте, что вы болтаете? А мы чем не пролетариат? Пролетариат организованный как единое целое, как класс?»

Тов. Ленин болтовней считает всякие разговоры об участии пролетариата в управлении хозяйством, потому что пролетариата нет. А т. Каменев – потому что пролетариат «как единое целое, как класс» управляет и страной, и хозяйством, потому что всех бюрократов зачисляет в пролетариат.

Они сговорятся, конечно. Они это умеют делать. Они не то, что мы, тем более, что тов. Каменев со времени октябрьской революции дал обет не вставать в оппозицию т. Ленину, не перечить ему, а сойдутся они на том, что пролетариат есть, конечно, и не только каменевский, но культурный уровень, материальное положение его, политическая безграмотность его властно повелевают: «Предлинной хворостиной этих гусей, кричащих, что их предки Рим спасли, гнать от хозяйства». Так и делают.

Тов. Ленин очень неудачно применил басню Крылова. Крыловские гуси кричали, что их предки Рим спасли (предки, т. Ленин), а рабочий класс России не о предках говорит, а о себе, что он (рабочий класс, т. Ленин) сделал социальную революцию и потому он же хочет управлять страной и хозяйством страны. А тов. Ленин смешал его с крыловскими гусями да предлинной хворостиной гонит на базар и приговаривает:

- Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?

А что может ответить пролетариат т. Ленину? Уж не просить ли прощения за несвоевременно сделанную социальную революцию и не лить ли челом ему, прося не смешивать в крыловскими гусями?

Нет. Пусть пугают нас предлинной хворостиной, мы громко заявим, что последовательное, неуклонное проведение в жизнь пролетарской демократии – это потребность момента, это крик спасения пролетариата, и это брюхом чувствует весь рабочий класс России.

Пусть машут предлинной хворостиной, рабочий класс ответит: «Не запугаете», – и заставит проводить основы рабочей демократии в жизнь – все-таки он ведь сила.

Пусть будет, что будет, а в нашей пролетарской слободке будет праздник.

Новая экономическая политика и управление промышленностью

Новая экономическая политика разделила промышленность на ту, которая осталась в руках государства (тресты, синдикаты и т. д., и т. п.), и промышленность, фактически принадлежащую частному капиталу и кооперации. Наша государственная промышленность приобрела характер и черты частной капиталистической промышленности в том смысле этого слова, что она работает на рынок.

Организацию управления этой промышленности со времени IX съезда РКП(б) происходит чисто бюрократическим путем – путем назначения, минуя непосредственное участие рабочего класса.

Создание трестов тоже проходит тем же путем, как в области формирования правлений, так и в области комбинирования, трестирования предприятий. Рабочий класс России не знает, почему их завод, фабрика в этом тресте, а не в ином, почему назначен этот директор, а не другой. И уж, конечно, никакого участия в этом принять не может в силу той политики, которая ведется господствующей в РКП группой.

Нечего и говорить, что рабочий с тревогой смотрит на все происходящее. Он часто задает себе вопрос – как я дошел «до жисти» такой? Он часто вспоминает момент, когда у него на заводе возник и развился Совет Рабочих Депутатов.

Он задает себе вопрос – как случилось, что Совет, мой Совет, который мною создан, не придуман ни Марксом, ни Энгельсом, ни Лениным, ни кем-либо другим, как этот Совет помер? Почему его не стало? И беспокойные мысли тревожат ум его.

Все рабочие помнят, как организовались Советы Рабочих Депутатов.

В 1905 г., когда никто, ни в одной из стран не говорил о Советах Рабочих Депутатов, а во всех книгах писали о союзах, партиях, кооперации, – рабочий класс России создал Советы Рабочих Депутатов фабрик и заводов.

Как организовались эти Советы?

В дни наивысшего революционного подъема рабочего класса каждый цех завода выбирает депутата для предъявления требований администрации и правительству. Эти депутаты цехов для согласования своих требований сходятся на совет, совещаются – это и есть Совет Депутатов.

Где родина Советов? Заводы и фабрики. Рабочие фабрик и заводов без различия пола, веры, национальности, убеждений, профессий объединяются в одну организацию, куют единую волю.

Значит, Совет Рабочих Депутатов – есть организация рабочих предприятий, производственная организация.

Так возникли советы и в 1917 году. Так они вошли, закрепились в программе РКП(б): «Избирательной единицей и Основной Ячейкой Государства становится не территориальный округ, а производственная единица (фабрика, завод)» (см. Пр[ограму] РКП), т. е. даже тогда, когда Советы взяли власть, они сохранили в основании своем производственность, и в этом видели их отличительную черту от всяких форм государственной власти, их преимущество, так как такая организация государства сближает аппарат государственной власти с пролетарскими массами.

Советы Рабочих Депутатов всех фабрик и заводов данного города сходились на общие собрания всех заводских советов, и таким образом возникают городские Советы Рабочих Депутатов с городск[ими] Исполкомами во главе. Съезды Советов губерний и областей образуют губернские и областные Исполнительные Комитеты Сов[етов] Р.Д. Наконец, все заводские советы депутатов выбирают на Всероссийский Съезд Советов, образуя всероссийскую организацию Советов Раб[очих] Деп[утатов] в лице их постоянно действующего органа, Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Рабочих Депутатов.

Разгоревшаяся гражданская война поставила с первых дней февральской революции необходимость втягивания в орбиту революционного движения физической силы – в лице армии, путем организации Советов Солдатских Депутатов. Потребность революционного момента диктовала объединение их, и ни объединились. Так образовались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Как только Советы взяли власть, они втягивают в себя крестьянство в лице Советов Крестьянских Депутатов, а затем и казаков. Таким образом организовался ВЦИК Советов Раб[очих], Солдат[ских], Крестьянских и Казацких Депутатов.

Советы Рабочих Депутатов здесь выступают в качестве руководителя, вождя революции не только по существу, но и по форме – солдаты, крестьяне и казаки принимают форму организации пролетариата.

При переходе власти совдепам сразу обнаружилось, что им, Советам, и особенно Советам Рабочих Депутатов, придется почти целиком заняться политической борьбой с восставшими бывшими рабовладельцами, солидно поддерживаемыми «буржуазными фракциями с туманной социалистической терминологией», и последующее время до конца 1920 года Советы заняты подавлением сопротивляющихся эксплуататоров.

За это время черты их производственности стираются, и уже на IX Всероссийском съезде РКП(б) в 1920 году выносятся постановление об единоличном управлении фабриками и заводами, единоличие, назначенное потому (как мотивировал т. Ленин), что мы хорошо одно создали – Красную Армию, а там единоличие.

А где же Советы Рабочих Депутатов на фабриках и заводах? Их уже нет, и не только нет, а про них и думать забыли (не переставая, однако, называться советской властью). Нет их и теперь, а наши советы стали очень похожи на городские и земские думы (с надписью «се лев, а не собака»).

Каждому рабочему понятно, что Советы Рабочих Депутатов организовали политическую борьбу за захват власти.

После того, как захватили власть, организовали подавление всяких восстаний эксплуататоров. Гражданская война, затеянная эксплуататорами вкупе и любезно с эсерами и меньшевиками против пролетариата, взявшего власть в свои руки, приняла затяжной и такой острый и напряженный характер, что поглощала внимание всего рабочего класса, и он постепенно (как власть Советов рабочих Депутатов) отходил от вопросов производства, отходил от того, за что дрался. Он думал, что управлять производством будет потом – надо раньше отвоевать его у эксплуататоров, поднявших восстание, добиваясь обладания им. И он был прав.

Но вот конец 1920 года, сопротивление эксплуататоров подавлено. Теперь пролетариат, израненный, утомленный, изголодавшийся, исхолодавшийся, должен воспользоваться плодами своих побед. Он отвоевал производство. Теперь перед ним во всем величии своем [в]стала новая задача – организация этого производства. Организация хозяйства страны. Надо создать как можно больше материальных благ, чтобы показать привлекательность этого мира, мира пролетарского.

Судьба всех завоеваний пролетариата целиком зависит от того, сумеет ли он овладеть этим производством и организовать его.

«Цель общественного союза – производство. Кто стоит во главе производства, тот стоит и во главе союза».

Все пойдет прахом, если пролетариат не станет во главе производства и не сумеет организовать его. Реки слез и крови, горы трупов, неопишемые страдания, вынесенные пролетариатом за время революции, будут только удобрением почвы, на которой возродится капитализм, на котором вырастет эксплуататорский мир, мир угнетения человека человеком, если пролетариат не овладеет производством, не покорит, не подчинит своему влиянию всю мелкобуржуазную стихию. В лице крестьянина и кустаря, путем замены материальной основы производства.

Советы Рабочих Депутатов, ковавшие когда-то единую волю пролетариата в борьбе за власть, победили на фронте гражданской войны, на фронте политическом, но, победивши, сами ослабели настолько, что теперь приходится говорить не об улучшении Советов, а об организации их.

Организовать Советы на всех национализированных фабриках и заводах для решения новой великой задачи, для организации того мира счастья, за который пролито столько крови.

Пролетариат ослаб. Основа силы его – крупное производство – находится в плохом положении, не чем слабее силы пролетариата, тем больше единства, спайки и организации должно проявить. Совет Рабочих депутатов – это та форма организации, которая показала

свою чудодейственную силу и не только покорила под ноги пролетариата врагов и супостатов его в России, но поколебала господство поработителей во всем мире, поставила под удар социалистической революции весь капиталистический и угнетательский строй.

Эти же Советы Рабочих Депутатов, встав во главе производства, во главе управления фабриками и заводами, кроме того, что вовлекут широчайшие пролетарские и полупролетарские массы к решению задач, стоящих перед ним, они сумеют повернуть не на словах, а на деле весь государственный аппарат лицом к производству.

Ведь, организовав Советы Раб[очих] Деп[утатов] на фабриках и заводах для управления ими, организовав их, как основные ячейки государственной власти, на этом пролетариат остановиться не может, он будет организовывать правление трестов, синдикатов, главков и центров до ВСНХ включительно. Они внесут новое содержание в работу ВЦИК, они заставят каждого члена ВЦИК, как в былое время ходили на фронт гражданской войны, пойти и работать на фронте хозяйственном.

Конечно, все бюрократы, вся хозяйственная братия, смотрящая на себя как на спасителей пролетариата и боящаяся этого пролетариата, его слова, его суда больше всего, вся пригревшаяся в трестах, главках, в правлениях публика поднимает вой. Они будут изображать это как гибель производства, как крах социальной революции, ведь они знают, что многие из них занимают местечки по сватовству, знакомству, связям и уж, конечно, не по способностям своим и не потому, что они пользуются хоть каким-нибудь доверием пролетариата, от имени которого они заправляют.

Ведь они боятся пролетариата больше, чем спецов, чем старых фабрикантов и заводчиков, чем Слащевых.

Ведь всероссийская комедия с красными директорами рассчитана исключительно на то, чтобы пролетариат дал свою санкцию на бюрократическое управление хозяйством, чтобы он благословил эту бюрократию.

Комедией она является и потому, что директора трестов, имеющие высоких кумушек-покровительниц, никак не могут попасть на страницы газет. Все наши попытки изобличить провокатора, получавшего от охранного отделения 80 рублей, высшую провокаторскую ставку за предательское черное дело и стоящего ныне во главе резинытреста, разбились об упорное сопротивление. Мы говорим о Лежаве-Мюрате. Он провокатор. Это ведь достаточно характеризует нравы той группы, которая затеяла кампанию «Красных Директоров».

ВЦИК, избираемый на год, периодически съезжающийся – ведь это самая парламентская канитель. Ну скажите, товарищи, если мы придем на сессию и т. Троцкий,

Зиновьев, Каменев, Бухарин забубнят в течение часов двух о состоянии хозяйства, что мы можем сделать, как не воздержаться или вздрать руку за резолюцию, предложенную докладчиками?

Ведь ВЦИК не занимается хозяйством, а время от времени заслушивает лекции о нем и разъезжается. Бывали и такие курьезы, что проекты, предлагаемые наркомками, голосовались без предварительного зачитания. Что там читать, все равно умнее т. Курского не будешь! ВЦИК превращен в штамповочную мастерскую. А президиум ВЦИК? Это есть, с позволения сказать, высший орган, а он вершит вермишельные дела по сравнению с теми вопросами, которые стоят перед пролетариатом. А ВЦИК, казалось бы, больше всего должен бы быть связан с массами и, как высший законодательный орган, – решать огромные вопросы нашего хозяйства.

Наш же Совнарком, по признанию самого руководителя Совнаркома, есть самый бюрократический аппарат. Но только корень зла-то он видит в том, что в Рабкрине ребята дрянные сидят, и предлагает пересадить с кресло на кресло ребят – и дело пойдет как нельзя лучше.

Мы имеем виду статью т. Ленина в «Правде» от 25 января. Эта статья может служить показателем политиканства. Даже лучшие из товарищей, лучшие из руководителей подходят к вопросу как бюрократы, видящие беду его в том, что Цюрупа, а не Сольц Рабкрином заправляет. Вспоминается басня одна: «Как, друзья, вы не садитесь, а в музыканты не годитесь». Плохими-то они стали под влиянием обстановки, обстановка делает их бюрократами, надо обстановку сменить, тогда и эти ребята в наилучшем виде будут работать.

Сам Совнарком является сколком с совета министров любой буржуазной страны и страдает всеми недугами их. И не лечить его надо мерами сомнительного свойства, а уничтожить, оставив Президиум ВЦИК и при нем соответствующие отделы, как в губернии, уездах, волостях. А сам ВЦИК превратить в постоянно действующий орган с образованием постоянных комиссий, разрабатывающих вопросы. Но чтобы он не был бюрократическим учреждением, необходимо влить новое содержание в его работу, а это будет только тогда, когда его основание, «Основную ячейку государственной власти» – Советы Рабочих Депутатов восстановим на всех фабриках и заводах, реорганизуем тресты, синдикаты, главки и центры путем проведения пролетарской демократии, путем съездов советов, их выбирающих, начиная от уезда и кончая ВЦИКом, вот тогда не нужно будет много пустых слов по борьбе с бюрократизмом и волокитой. Давно ведь известно, что худшие их бюрократов больше всего кричат против бюрократизма.

Реорганизовав, таким образом, органы власти, влив в них действительно чуждые бюрократизму элементы, а это произойдет само собой, мы кардинальным образом разрешаем вопрос и о наших опасениях в условиях новой экономической политики. Заправлять хозяйством и страной будет не кучка бюрократов, грозящая превратиться в олигархию, а рабочий класс.

Что касается Рабкрина, то не путем пересадки с кресла на кресло будет достигнуто улучшение его работы, а путем уничтожения его в том виде, в каком он существует. Производственно-профессиональные союзы в лице своих комитетов должны будут взять на себя контроль над производством и контроль вообще. Нам, пролетарскому государству, бояться пролетарского контроля нечего, и здесь нет и не может быть никаких возражений делового характера, кроме той же боязни пролетариата, которой так страдают бюрократы всех мастей и размеров.

Надо же, наконец, поднять одно, что контроль должен быть поставлен в независимое от подконтрольного положение, а это в наибольшей степени достигается именно тем, что роль нашего Рабкрина или старого Госконтроля возьмут на себя союзы.

Местные заводские ячейки государственных фабрик и заводов превращаются, таким образом, в органы контроля.

Губернские комитеты, объединенные ГСПС – в органы контроля в губерниях. Центральные комитеты, объединенные ВЦСПС – в органы контроля в центре.

Советы управляют – союзы контролируют, вот суть взаимоотношений между этими двумя организациями в пролетарском государстве.

На частных предприятиях – сданных в аренду, концессию – завкомы выполняют роль государственного контроля, следят за выполнением законов о труде, за выполнением обязательств, взятых на себя арендатором, концессионером и т. д. в отношении к пролетарскому государству.

Несколько слов о двух группах

Два документа, имеющиеся у нас на руках, [один] за подписью нелегальной группы «Центральная группа Рабочая Правда», другой без всякой подписи, являются ярким показателем нашего политического безвременья.

Даже те невинные литературные забавы, которые всегда позволяла себе либеральствующая часть партии в лице так называемого «демократического централизма», не могут появиться в нашей печати. А такие, несомненно, ни теоретически, ни практически не состоятельные документы ликвидаторского толка, как воззвание

группы «Рабочая Правда», [которые], появившись открыто, не имели бы никакого влияния в рабочей среде, грозят завоевать себе симпатии не только среди пролетариата, но и среди коммунистов.

Документ без подписи, принадлежащий, несомненно, либералам в РКП, верно отмечает: 1. Бюрократизм советского и партийного аппарата. 2. Качественное перерождение партии. 3. Отрыв верхушек от масс, рабочего класса и партийных низов. 4. Различие имущественного положения членов партии. 5. Наличие кумовства и сватовства. Как же бороться с этим? А, видите ли, необходимы: 1. Разработка теоретических вопросов в выдержанном пролетарском и коммунистическом направлении. 2. Идейное сплочение и классовое воспитание здоровых передовых элементов партии в том же направлении. 3. Борьба в недрах партии за основную предпосылку ее внутреннего оздоровления, уничтожение диктатуры и реальное осуществление свободной дискуссии. 4. Борьба в недрах партии за такие условия партийного и советского строительства, которые облегчили бы преодоление мелкобуржуазных сил и влияния и больше всего укрепили бы силу и влияние коммунистического ядра.

Вот основное, что имеется у этих либералов.

Ну, скажите, пожалуйста, кто из той группы, которая заправляет в партии, будет против предлагаемого? Никто. Наоборот, они сто очков дадут вперед по части этого словоблудия.

Эти либералы всегда служили руководящей партийной группе именно тем, что принимали вид ярых оппозиционеров и тем самым обманывали рабочий класс и широкую коммунистическую публику, у которой, действительно, есть основание быть недовольными, и недовольство которых настолько велико, что бюрократам партийным и советским надо выдумывать оппозицию против себя, чтоб это недовольство влить в желательное русло. Но тут им трудиться не надо, им помогают каждый раз либералы с присущей [им] оппозиционной надутостью и пустословием, подменяющие ответы общими фразами.

Ну, скажите, кто из настоящего состава Цека будет возражать против самого радикального из пунктов – «борьбы в недрах партии за такие условия партийного и советского строительства, которые облегчили бы преодоление мелкобуржуазных сил и влияний и больше всего укрепляли силу и влияние пролетарского коммунистического ядра»?

Не только не будут возражать, а еще ярче формулируют. Возьмите-ка последнюю статью т. Ленина, и вы увидите, что он говорит очень «радикальные (с точки зрения либералов) вещи»: наш госаппарат, за исключением Наркоминдел, в наибольшей степени

представляет пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям, – и идет навстречу либералам, обещает их включить в состав расширенного Цека и ЦКК, ну, они ведь дальше этого и не идут. А само собой разумеется, как только они окажутся в Цека, будет мир в человецех и благоволение. Разглагольствуя о свободной дискуссии внутри партии, они забывают маленькую мелочь – пролетариат. Ведь без свободы слова пролетариату никакой свободы внутри партии никогда не было и не будет. Странная вообще та свобода мнений внутри партии, которая предполагает отсутствие этой свободы у класса, интересы которого она представляет, и вместо того, чтобы сказать о необходимости проводить основы пролетарской демократии в понимании программы, они болтают о свободе для передовых из коммунистов. Ну, а ясное дело, что самыми передовыми являются Сапронов, Максимовский и компания, а т. Зиновьев, Каменев, Сталин, Ленин считают себя самыми передовыми – так они порешат на том, что они «оба лучше», все хороши, и устроят расширение Цека и Цекака, и все пойдет по хорошему.

Наши либералы необычайно либеральны и, помимо всего прочего, требуют свободы группировок. Ну, а если их спросить, да для чего вам, что вы хотите сказать нам, чему научить? Это все, что у вас уложилось в две странички? Пожалуйста, сколько вашей душеньке угодно. А если вы делаете вид угнетенной невинности, вид политических изгнанников, то это только нам выгодно – вы этим околпачите тех, кого надлежит околпачивать.

Кончатся эти тезисы совсем «радикально», больше даже, «революционно»: им, видите ли, весьма желательно на XII съезде удаление из Цека одного-двух (вот как, знай наших!) наиболее фракционно-настроенных, наиболее разложивших партийную среду, наиболее способствующих развитию бюрократизма под прикрытием фраз (Зиновьев, Сталин, Каменев).

Ну, прямо прелесть! Как только не станет в Цека Сталина, Зиновьева, Каменева, а сядет туда Максимовский, Сапронов, Оболенский, то будет не просто хорошо, а преотлично. Мы уже сказали, что вам, товарищи либералы, тужить нечего – на XII съезде будете и вы в Цека, а все остальное приложится, и ни Каменев, ни Зиновьев, ни Сталин вам не помещают, мир да любовь вам!

Группа «Рабочая Правда», по их заверению, состоит из коммунистов.

Мы, как и каждый пролетарий, к которым они обращаются, охотно поверили бы им, но беда-то вся в том, что эти коммунисты особого сорта. Они говорят, что прогрессивное значение русской октябрьской революции состоит в том, что «перед Россией открылись

широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». В этом несомненное, как заявляет эта группа, огромное достижение революции в октябре.

Что сей сон значит? Он значит не больше, как призыв назад к капитализму от лозунгов октября, от лозунгов октябрьской социалистической революции. Не укреплять позиции социализма, пролетариата, как господствующего класса, а, наоборот, ослаблять их, сводя рабочий класс из правящего к положению борющегося за пятак.

В соответствии с этим основным положением находится то, что они говорят о том, что уже восстановлены нормальные капиталистические отношения. Раз это так, то рабочему классу советуют отказаться от «коммунистических иллюзий» и приглашают бороться против фетиша «монополии» избирательных прав для трудящихся и фетиша использования этих прав, т. е. трудящиеся должны отказаться от монополии избирательных прав. Но позвольте, господа коммунисты, вас спросить, в чью пользу?

Но разве они дураки, чтобы прямо так сказать – в пользу буржуазии. Какая бы вера их словам была со стороны тех пролетариев, к которым они обращаются? Ведь они сразу бы поняли, что старые меньшевистско-эсеровско-кадетские погудки на новый лад, а это совсем не входит в их расчеты. Однако ни проговорились. Они, видите ли, ставят своей задачей борьбу против «административного произвола», но «оговариваются»: «поскольку это возможно при отсутствии выборных законодательных учреждений». То, что трудящиеся России выбирают свои Советы, Исполкомы, – все это, извольте ли видеть, не избрание, а избранием называется то, что будут избирать не трудящиеся, а буржуазия и коммунисты из «Рабочей Правды». Ну, скажите, чем это «не коммунистично» и не революционно? Чего же вы, милые «коммунисты», не договариваете, что это будет: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право при нормальных капиталистических отношениях? Что это будет самая настоящая буржуазная демократия? Вы хотите в мутной водице рыбку ловить?

Вы, господа коммунисты, думаете, что непрерывным склонением слова «революция» вы скроете свои реакционные и контрреволюционные цели? Рабочий класс России за эти шесть лет видел столько р-р-революционеров, что ваше поползновение околпачить его он разглядит. Единственно[е], что может дать вам успех – это отсутствие пролетарской демократии, отсутствие возможности открыто высказаться рабочему классу.

Об остальных словоговорениях этой группы мы говорить не будем, одно лишь заметим, что тип мышления этой «Рабочей Правды» заимствован у А. Богданова.

Партия

РКП(б), несомненно, и сейчас является единственной партией, представляющей интересы пролетариата и примыкающего к нему трудящегося населения России. Другой партии нет. Программа партии, устав ее есть последнее слово коммунистической мысли. Но от того момента, как РКП(б) организовала пролетариат для восстания и завоевания власти, с того момента, как она стала партией правительственной и в условиях ожесточенной гражданской войны осталась единственной силой, противостоящей всем силам старого буржуазно-помещичьего режима до эсеров и меньшевиков включительно, она за это трехлетие в лице руководящих кругов партии усвоила себе методы работы, пригодные и победоносные в условиях этой ожесточенной гражданской войны, и перенесла их целиком в совершенно новую обстановку, новую фазу социальной революции с совершенно иными задачами, стоящими перед пролетариатом. Из этого основного несоответствия проистекают все недостатки партийного и советского механизма.

Недостатки эти настолько велики, что грозят заслонить все, что есть хорошего и нужного в работе РКП, больше того, грозят уничтожением этой партии, как партии передового отряда всемирной армии пролетариата, и превращением в условиях нэпа в группу господствующих лиц, держащих в своих руках и экономические ресурсы страны, и власть, грозят превратить в олигархическую касту.

Свою партию может излечить от этих недугов только сам пролетариат. Как ни слаб он, как ни тяжки условия его бытия, но сил для того, чтобы поправить накренившийся корабль свой, свою партию, чтобы достигнуть берегов обетованной земли, – на это сил у него хватит. Должно хватить.

Условия внутривнутрипартийного режима, как следствие применения способов работы эпохи гражданской войны в обстановке текущего момента, совершенно не позволяет сказать нужное слово, а потому поневоле приходится пользоваться «непартийными» методами для партийных целей.

При настоящих условиях объективно неизбежно образование рабочей коммунистической группы, организационно не связанной с РКП, но целиком принимающей устав и программу партии, и такая группа создается, несмотря на бешеное сопротивление, которое окажет господствующая партийная, советская профессиональная бюрократия. Задача этой группы будет состоять в том, чтобы оказать решающее влияние на тактику РКП(б) и через завоевание симпатий широких пролетарских масс заставить отказаться от линии, ведущей к гибели всех октябрьских завоеваний пролетариата и тормозу мировой социальной революции.

Заключение

1. Движение пролетариата всех стран, особенно стран передового капитализма, достигло той ступени, когда задачей сегодняшнего дня стал вопрос о борьбе за уничтожение эксплуатации, и гнета, и классовой борьбы, борьбы за социализм.

Капитализм угрожает ввергнуть все человечество в варварство. Рабочий класс должен выполнить свою историческую миссию и спасти человечество.

2. История классовой борьбы с наглядностью показывает, что одни и те же классы в различной исторической обстановке были и проповедниками гражданской войны, и гражданского мира. Проповедь гражданской войны и гражданского мира одним и тем же классом то была революционна и общечеловечна, то контрреволюционна, узко эгоистична, защища[ла] узкоклассовые интересы, [шла] вразрез с интересами общества, нации, человечества.

Только пролетариат революционен и общечеловечен и тогда, когда проповедует гражданский мир, и тогда, когда проповедует гражданскую войну.

3. Русская революция дает разительные примеры того, как различные классы превращались из сторонников гражданской войны в сторонников гражданского мира и наоборот.

История классовой борьбы вообще и история ее за последние 20 лет в России в частности учат тому, что современные господствующие классы, проповедующие гражданский мир, будут проповедовать беспощадную, кровавую гражданскую войну после того, как пролетариат возьмет власть в свои руки, то же относится и к «буржуазным фракциям с туманной социалистической фразеологией», к партиям 2-го и 2 ½ интернационалов.

Партия пролетариата должна со всей силой и энергией проповедовать гражданскую войну во всех странах передового капитализма и против буржуазии, и против их приказчиков и гражданского мира во всех странах, где победит пролетариат.

4. Борьба за пятак и за час посредством стачек, парламента и т. д., и т. д. при современных условиях потеряла былое революционное значение и лишь ослабляет силы пролетариата, отвлекает его от основной задачи, поддерживает в нем иллюзии возможного улучшения положения в пределах капиталистического общества. Идти к стачечникам и в парламент надо, но не для того, чтоб проповедовать борьбу за пятак и за час, а для организации сил пролетариата для окончательной и решительной схватки с миром гнета.

5. Солдафонское обсуждение вопроса о «едином фронте» (как и всех вопросов) у нас в России и своеобразное проведение его и до сих пор не дает возможности серьезно подойти к этому вопросу, так как всякая возможность критики исключена.

Ссылка на опыт русской революции рассчитана на невежество и ни в какой мере не подтверждается этим опытом, выраженным в исторических документах (резолуциях съездов, конференции и т. д.).

Марксистско-диалектическое понимание вопросов классовой борьбы подменяется догматическим.

Опыт одной исторической эпохи со своими задачами и целями переносится в другую, со своими, отличными от всех других эпох, чертами, что неизбежно приводит к навязыванию коммунистическим партиям всего мира оппортунистической тактики «единого фронта». Тактика «единого фронта» со 2-м и 2 ½ интернационалами стоит в полном противоречии с опытом русской революции и программой РКП(б). Эта тактика есть тактика сделки с прямыми врагами рабочего класса.

Единый фронт необходим со всеми революционными организациями рабочего класса, стоящими на почве борьбы (сегодня, а не когда-нибудь) за диктатуру пролетариата, готовыми к борьбе и с буржуазией, и с ее фракциями.

6. Тезисы Исполкома Коминтерна являются классической маскировкой революционными фразами оппортунистической тактики.
7. Ни тезисы, ни дискуссии на конгрессах Коминтерна не затрагивают совершенно вопроса о «едином фронте» в странах, произведших социалистический переворот, где рабочий класс является диктатором. Помехой этому служит та роль, которую играет РКП(б) в Коминтерне и политике РКП(б) внутри партии и страны в целом. Своеобразие вопроса о едином фронте заключается в том, что в различные моменты революционного процесса он различно разрешается: одно решение в эпоху подавления сопротивляющихся эксплуататоров и их «фракций» и иное, когда оно [sic] подавлено. И пролетариат вступил в полосу созидания социалистического строя, хотя бы и при помощи нэпа и не выпуская из рук винтовки.

Национальный вопрос. Практика господствующей группы в РКП(б) с бесконечными назначениями, игнорированием местного опыта, навязыванием нянек и ссылками («плановыми перебросками») в применении к национальным партиям стран, входящих в союз социалистических советских республик обострили шовинистические тенденции у трудящихся масс большинства мелких национальностей и через них просачиваются в коммунистические партии.

Для решительного изживания этих тенденций необходимо проведение принципов пролетарской демократии в организации коммунистических партий со своим ЦК во главе каждой нации, входящими на равных правах с КРП(б) в 3-ий Коммунистический Интернационал, образуя там самостоятельную секцию. Для решения общих задач коммунистических партий союза социалистических республик устраиваются периодически съезды коммунистических партий, избирающие для постоянной работы исполнительный комитет коммунистических партий союза социалистических республик.

9. НЭП – есть прямое следствие состояния производительных сил нашей страны. Она должна быть использована для закрепления позиций пролетариата, занятых в октябре.

Даже в том случае, если бы в одной из передовых капиталистических стран произошла революция, даже и тогда нэп был бы необходимым этапом развития социалистической революции. Она (революция) в одной из стран могла бы оказать влияние на темп, на быстроту движения изживания нэпа.

Но во всех странах передового капитализма в соответствующий момент пролетарской революции необходимость нэпа будет обусловлена степенью влияния мелкобуржуазного способа производства на социализированную промышленность.

10. Изживание нэпа в России целиком зависит от быстроты завоевания земли машиной, победой машины над сохой. На этой основе, на основе роста производительных сил в городе и деревне будет создаваться органическая связь между ними.

Расчеты на ввоз нужных сельскому хозяйству машин из-за границы не верен. Он вреден и экономически, и политически – это сращивание нашей деревни с купцами заморскими и ослабление нашей промышленности.

Производство нужных машин в России возможно, и это укрепит и промышленность, и органически срастит деревню и город, сотрет материальную и идеологическую разницу между ними и скорее создаст условия возможности отказа от нэпа.

11. Новая экономическая политика таит в себе грозные опасности для пролетариата. Кроме того, что социалистическая революция держит практический экзамен хозяйствования, кроме того, что мы должны на деле показать выгодность именно социалистических форм хозяйственной жизни перед капиталистическими, – кроме этого необходимо удержаться на социалистических позициях, не превращаясь в олигархическую касту, держащую экономическую и политическую власть в своих руках, боящуюся больше всего рабочего класса.

Чтобы помешать процессу перерождения нэпа в «Н.Э.П.» (в новую эксплуатацию пролетариата), необходимо немедленно привлечь к решению грандиознейших задач,

стоящих в данный момент перед пролетариатом, привлечь пролетариат на основе последовательного проведения принципов пролетарской демократии, что даст рабочему классу возможность оградить свои завоевания, сделанные в октябре, от всех опасностей, с какой бы стороны они ни исходили, и в корне изменить внутрипартийный режим и отношение между ним и партией.

12. Проведение принципа пролетарской демократии должно находиться в соответствии с основными задачами текущего момента.

Пролетариат, решив задачи военно-политические (завоевал власть и подавил сопротивление эксплуататоров), перешел к решению самой большой и трудной задачи: перестройки старых капиталистических отношений в социалистические, задачи экономической. Решив эту задачу, пролетариат сможет считать себя победителем, и только с этого момента, а то все пойдет прахом – и кровь, и трупы, и страдания будут удобрением почвы для мира гнета и насилия, для буржуазного господства. Для решения этих задач необходимо, чтобы пролетариат участвовал в управлении промышленностью: кто стоит во главе производства, тот стоит во главе «союза», «государства».

Необходимо: 1) организовать советы рабочих депутатов на всех фабриках и заводах (национализированных); 2) съезды советов избирают правления трестов, синдикатов, главков, центров; 3) необходимо ВЦИК сделать органом, управляющим и страной, и промышленностью, приблизить его к тем задачам, которые стоят перед пролетариатом путем проведения принципа пролетарской демократии в управлении промышленностью. Сделать его постоянно действующим органом с соответствующими при нем отделами и комиссиями по разработке всех вопросов. Совнарком же, как слепок с любого буржуазного совета министров, упразднить, а его работа будет исполнена ВЦИК. 4) Кроме того, необходимо усиление пролетарского влияния и в другом направлении: необходимо профессиональные союзы, как чисто классовые пролетарские организации, сделать органом контроля – передав им права РКИ и средства; завкомы и фабзавкомы контролируют на заводе, губотделы, объединенные ГСПС, контролируют губернии и ЦК, объединенные ВЦСПС, – органы контроля в центре. Сейчас же профсоюзы играют не свойственную им роль в пролетарском государстве, что умаляет их роль и значение в международном движении.

Тот, кто боится подобной роли профсоюзов, боится пролетариата и потерял с ним всякие связи.

13. На почве огромного недовольства рабочего класса возникают различные группы и пытаются организовать пролетариат. Две платформы – платформа либералов из «демократического централизма» и «Рабочей правды» – указывают, с одной стороны, на

политическое безвременье в России, а с другой, на искания рабочего класса. Рабочий класс ищет форму выражения своего недовольства.

Та и другая группа, в которых, очень возможно, есть пролетарские честные элементы, неправильно оценивают положение и приходят к ошибочным выводам.

14. Внутрипартийный режим, являющийся результатом отношения партии к классу, в данный момент не позволяет выдвинуть никаких вопросов, почему-либо неудобных для господствующей в РКП(б) группы.

Поэтому становится неизбежным образование Рабочей группы РКП на основе программы и устава РКП(б) для решительного давления на господствующую группу в РКП.

И мы зовем все пролетарски честные элементы, группирующиеся вокруг «демократического централизма», «Рабочей правды», примыкавшие к Рабочей оппозиции, как состоящие в партии, так и находящиеся вне рядов ее, объединяться на основе манифеста Рабочей группы РКП(б). Чем скорее сумеем мы сорганизоваться, тем меньше трудностей придется нам преодолевать.

За дело, товарищи!

Освобождение рабочих – есть дело самих рабочих.

Москва, февраль 1923 г.

*Временное Центральное Организационное
Бюро Рабочей Группы Российской
Коммунистической партии (большевиков)*